

A woman with a large floral crown is shown in profile, drinking water from her hands. She is wearing a white, short-sleeved dress with lace detailing at the cuffs. The background is a lush green field with some distant structures. The overall mood is peaceful and natural.

Татьяна Люшина

Утоли мои печали

Annotation

Много лет Григорий Вершинин не бывал в родном доме. Несправедливо обвиненный близкими в смерти деда, он бесприютно скитался по свету и считал себя извечным бродягой. Но пришло время разобраться в том, кто же истинный виновник произошедшей трагедии, и, быть может, обрести свое счастье. Да только сыщется ли женщина, способная отогреть замерзшую душу?..

Татьяна Александровна Алюшина

Утоли мои печали

© Алюшина Т., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Он стоял возле окна своей старой детской комнаты, засунув руки в карманы брюк, и задумчиво глядел на вершины деревьев, сплошной стеной тянувшихся, казалось, аж за горизонт. Привычный, сколько он себя помнил, пейзаж неизменно вызывал в душе беззаботную, наполненную солнцем радость. Так бывает, когда схватил теплый пирожок с малиной с только что выпущенного из печи противня, и от одного запаха кружится голова, принося простое незамысловатое абсолютное детское счастье.

Он любил этот дом, как любим мы те места, в которых в детстве всегда было радостно до мурашек и внутреннего визга восторга, где ощущалась абсолютная защищенность, в которых прошли только самые лучшие дни, месяцы и годы, не омраченные ничем тягостным, как любим и помним мы всей глубинной памятью лучшее, что случилось с нами в детстве.

Разумеется, много хорошего происходило с ним и дома, в Москве, в родном дворе и школе, но там жизнь шла по-другому. Совсем по-другому.

Была школа, расписание, распорядок дня, учеба и определенные каждодневные обязанности, порой достававшие до печенок, бывали ссоры и конфликты с друзьями и строгие наказания родителей – ну а как же, а как же! Были и радость познания жизни, мира, веселые игры, настоящая дружба, пацанское становление и взросление, как у всякого мальчишки, росшего в нормальной семье, но была и рутина.

А вот здесь, в старом родовом доме, для него все складывалось иначе. Совсем.

Практически каждое лето, а порой и с мая по сентябрь, Гриша проводил здесь, усадьбе, а, став школьником, так и каждые каникулы – летние, осенние, зимние и весенние и все праздники, как общегосударственные, так и общесемейные.

И это была другая жизнь!

Звенящая радостью, свободой и счастьем!

Свобода-а-а!! Вот основной девиз этой жизни!

Гришу, троих двоюродных братьев и сестру, также проводивших здесь большую часть своих каникул, взрослые баловали самым откровенным образом, предоставив детей самим себе и своим играм, не нагружая никакими обязанностями. Так, иногда засылали в магазин на станцию за какой-нибудь мелочовкой, хлеб купить или еще что, или стонять за козьим молоком к бабе Ксении, да и то это воспринималось скорее как одно из развлечений – на великах наперегонки: кто быстрее доедет или кто залихвастей восьмерки закрутит на скорости.

А в общем и целом девиз семьи сводился к основному постулату: пусть дети отдыхают. Понятное дело, в разумных пределах, с определенными запретами в русле безопасности, со строгим ограничением разрешенных к посещению мест и развлечений.

И, как водится, с постоянным нарушением детьми данных запретов, пока не засекали.

И вот ты просыпаешься утром и понимаешь-вспоминаешь, что весь огромный день и еще более огромный мир этого дома, участок, поля-луга, леса и реки принадлежат тебе и ты волен делать то, что придумаешь, и совершенно сво-бо-ден! И такое счастье переполняет

твою детскую душу, что невозможно передать, даже перенести это счастье невозможно!!

Он с друзьями мотался по всему поселку и горланил на всю возможную громкость своих легких от переизбытка восторга, оповещая мир об этом безграничном счастье, залезал во все запретные места и, замирая от страха, нырял в страшный омут на реке или прыгал с крыши заброшенного дома и подсматривал за девчонками в бане и... чего только не придумывали они!

А сам дом всегда ждал своих маленьких героев, наполненный печным теплом, особым, неповторимым запахом – дурманящим, невероятным ароматом свежего печева: пирогов, пирожков, смешивавшегося с запахами травяного чая, блинов, малины, духмяных щей или пельмешек. А еще старинных книг, тяжелых портьер, еле уловимого тона мастики и воска, красного дерева, цветов, картин.

И он стрелой несся по ступенькам через веранду, влетал в дверь, и все эти запахи и уютное тепло дома тут же незримо обнимали его, обволакивали, приглаживали растрепанные вихры и шептали на ухо, что все всегда обязательно будет так же хорошо, как сейчас! А как же! Ведь у него навсегда-навсегда есть этот дом, который защитит, ублажает, примет любим, исцелит боль и уберезет от всего плохого...

Не уберег и не исцелил...

Григорий почувствовал, как от воспоминаний, вызвавших реальные ощущения того далекого беззаботного счастливого детства, нахлынувших непрошено и накрывших лавиной, погрузив его в те простые и такие радостные чувства, вдруг перехватило горло и защипало глаза.

Вжик-вжик-вжик...

Что за звук? Он с силой тряхнул головой, прогоняя предательскую сентиментальность, жесткими пальцами стер так и не проступившие слезы, вытаскивая себя из ненужных эмоций.

Так, что за звук? Сосредоточился на реальности. Он улавливал этот звук какое-то время назад, но так, краем сознания отметив его навязчивость и непонятность, пока предавался воспоминаниям, а сейчас вот воспринял уже осознанно и даже порадовался поводу отвлечься от прошлого.

Вжик-вжик-вжик – размеренно так, отчетливо скрипело, и бубнеж какой-то еще доносился, но тоже размеренный, в такт этому вжику странному. Григорий прислушался и усмехнулся про себя, отмечая первую, самую возможную версию:

«Не-а. Не секс ни фига – ритм другой. – И нахмурился: – А откуда это вообще? Сверху, что ли? Точно, сверху!» – понял он.

– Так! И что происходит? – вслух спросил Вершинин бог знает у кого, у Духа дома, наверное.

Эта «келья», как ее называли взрослые, – комнатка, в которой проживали всегда Гриша и двоюродный брат Костя, его закадычный друг и соратник по всем проказам и делам мальчишеским, который был старше Григория на один год, располагалась на самом верху дома – на третьем этаже, состоявшем всего из трех небольших комнаток, а выше находился только чердак под коньком крыши.

Понятное дело, чердак, на котором складировали старые, отслужившие свое вещи или убирали на время сезонные или такие, которыми редко пользуются.

И ясно как день, что чердак был для малышни местом особых игр, забав и прятков, облазили они его вдоль и поперек до последнего гвоздя. К тому же там в любое время года

было сухо, а зимой не холодно благодаря проходившей тут печной трубе, и не жарко летом, и просторно-о-о – на всю площадь третьего этажа, а в центре до потолочных балок, так и метра три с половиной будет – самое то, для детских игр в таинственное.

Вот интересно, кто там сейчас веселится и как? Звук непонятный – железный скрежет какой-то.

Радуюсь поводу покинуть комнату, навевшую столько воспоминаний, да и сами воспоминания, Вершинин решительно отправился выяснять.

Дверь, венчавшая ведущую на чердак лестницу, была распахнута, и неопознанные звуки здесь слышались более отчетливо.

Вжик-вжик-вжик – железно скрипело что-то, и не то детский, не то девичий голос в ритме с вжиком повторял какие-то слова, неразличимые пока, похожие на стишок или считалку.

Григорий поднялся по лестнице, вошел на чердак и двинулся на звук в левую от двери, дальнюю часть помещения.

– Ка-кой... чу-дес-ный... день! – разобрал он, наконец, слова.

У стены, под коньковым окном крыши стояла старая железная кровать с наброшенным на сетку матрасом, на котором прыгала девушка и, ничего не замечая вокруг, самозабвенно пела, а скорее проговаривала в такт каждому своему прыжку:

– Ка-кой... чу-дес-ный... пень! Ка-кой... чу-дес-ный... я! И... пе-сен-ка... моя!

Кровать Григорию была знакомой, а вот девушка – нет.

Он даже усмехнулся вновь охватившим его при взгляде на кровать воспоминаниям. Старинная, железная, двуспальная, с шишечками на рогах спинки. На этой кровати давным-давно, наверное, еще в войну, спали дедушка с бабушкой, а затем ее отправили на чердак.

Но не в бессрочную ссылку – периодически, когда гостей набиралось в доме много и спальных мест не хватало, старушку доставали с чердака, протирали от пыли, смазывали машинным маслом, снова протирали и устанавливали либо в одной из комнат, либо во дворе под навесом. И по утрам, когда неосмотрительные гости просыпались и покидали это ложе, Гриша с Костиком быстренько забирались на нее и прыгали от души, как можно выше, сбивая в ком простыни, одеяла, скидывая подушки на землю и громко хохоча от восторга, пока кто-нибудь из взрослых не прекращал это безобразие, совсем не грозным голосом обещая наказать и причитая, что «пацанва бестолковая» порвут сетку на раритете!

Сетка та, кстати, даже не провисла ни на сантиметр, наверное, с той самой войны, да и продержится она еще как минимум лет сто.

Люди тогда умели делать вещи.

Но сейчас Вершинин вдруг почувствовал легкий укол ревности из-за того, что эта незнакомая девушка прыгает на его железной подруге детства, как на своей, словно имеет на это полное право! Прыгает и радуется жизни, и читает какие-то глупые стишки! А он тут...

– Вы что делаете? – грозно возмущился Вершинин взрослым, несколько ворчливым голосом.

Не переставая скакать, девушка коротко глянула на него и, весело рассмеявшись удивительным, звонким, заразительным смехом, звучавшим, как серебряные колокольчики, продекламировала в ответ по слогам, в такт своим прыжкам:

– А... что? Есть... ва-ри-ан-ты... трак-тов-ки... то-го... что... я... де-ла-ю?

Она прекратила прыгать и, подчиняясь быстро затухающим колебательным движениям сетки, спружинив пару раз ногами, сгибая их в коленях, остановилась окончательно,

развернулась к Григорию и принялась рассматривать с нескрываемым интересом, чуть склонив голову к плечу.

И это явно привычное, неосознанное движение девичьей головки на какое-то мгновение вдруг неуловимо кого-то напомнило ему, или не напомнило, а вызвало в груди тепло и что-то похожее на радость узнавания родного человека.

Вершинин так же внимательно рассматривал девушку и четко понимал, что раньше ее не видел.

Невысокая, но не тощая, а ладненькая такая, справная. Очень белая кожа и темно-рыжие, цвета благородной меди, крупными волнами, локонами и мелкими кучеряшками-завитушками струящиеся ниже лопаток густые волосы оттеняли эту белизну кожи, придавая ей изысканности. Чуть-чуть вздернутый носик, не до явной курносости, но намекающий на нее, упрямый круглый подбородочек, сочные губки, идеальный овал лица, ровные бровки, высокий лоб – и все намеками, как в размытой акварели, в этом чердачном полумраке при тускловатом свете из запыленного окна, не дающего возможности рассмотреть подробно черты ее лица.

Но странное, неосознанное чувство вдруг родилось где-то в подсознании у Григория и начало заполнять, вызывая теплоту в груди – ощущение какой-то близости, единения с этой девушкой, светлой радости узнавания и чего-то неясного, будоражащего... И, чтобы отделаться от всей этой ерунды непонятной, Вершинин чуть более строго, чем надо бы, повторил:

– Что вы здесь делаете?

– Рассматриваю вас, – весело ответила она. Спустилась с кровати на пол босыми ножками и продолжила объяснения: – Но если вы о причине моего появления здесь, то она проста: была отправлена Глафирой Сергеевной за старыми альбомами с фотографиями. Но, когда я добралась до чердака, вы триумфально въехали на участок, и весь улей тут же растревожился и возбудился необычайно. Альбомы я нашла, но поняла, что они уже не актуальны в связи с вашим столь неожиданным появлением, и решила немного попрыгать.

– А что вы там напевали? – нелогично даже для самого себя вдруг спросил Вершинин почему-то тем же строгим тоном.

– А-а-а, это песенка из старого мультика про мышонка с завышенным эго, – пояснила девушка, обувая легкие босоножки, придерживаясь рукой за спинку кровати. – Кстати! – выпрямилась незнакомка, обувшись, и снова посмотрела на Вершинина в упор. – Я заметила, что вы очень напряжены и слишком серьезны, – и она приглашающим широким жестом повела рукой в сторону кровати. – Рекомендую попрыгать. Снимает напряжение, улучшает настроение и для организма приятно и полезно.

– Да вы что? – несерьезно возмутился Григорий. – Доконать старинную хорошую вещь?

– Да будет вам! – рассмеялась звонко девушка и махнула беззаботно рукой. – Ничего ей не сделается вовек! Это же вещь! Вещище! Хоть упрыгайся! Небось, уж вы-то в детстве на ней отплясывали целой компанией, и ничего, жива кроватка и нас еще переживет! – И снова предложила: – Давайте! Вот увидите, как вам сразу здорово станет, еще попойте что-нибудь, и совсем хорошо себя почувствуете. К тому же это намного интересней, чем, скажем, прыгать на батуте, хотя бы потому, что считается неправильным и вроде как запретным.

А он задумчиво посмотрел на кровать...

И...

«Ну, это уже полный абзац, Вершинин!» – предпринял он мысленную попытку

остановить себя.

И... пока не передумал, подошел к кровати, скинул мокасины, поднялся на сетку и осторожно, не отрывая ног, распрыгиваясь для начала...

– Какие там слова у вашей песенки? – спросил он у незнакомки, подпрыгивая все сильнее.

– Какой чудесный день! – подсказала она весело.

– Ка-кой... чу-дес-ный... день, – подпрыгивая все выше и выше, полупел-получитал он.

– Какой чудесный пень! – подсказывала она дальше.

– Ка-кой... чу-дес-ный... день! – пел он.

– Какой чудесный я!

– Ка-кой... чу-дес-ный... я!

– И песенка моя! – смеялась звонко девушка.

– И... пе-сен-ка... мо-я! – прыгал Григорий.

Он прыгал и прыгал и чувствовал, как практически сразу отпустило напряжение, которое сковало его еще при подъезде к поселку, да так и не отпускало до этой минуты, чувствовал, как растворяется и уходит куда-то невольная тревога и темное в душе и мыслях, тяготившее все эти дни, с того самого момента, как он принял решение приехать сюда, в «родовое гнездо» на праздник.

Он прыгал все выше и выше и повторял эту нелепую песенку, а девушка смеялась заразительно, и было это действительно здорово...

Он остановился, попружинив ногами.

– Ну, вот и с приездом! – звонким от смеха голосом поприветствовала его девушка.

Вершинин спустился на пол, обул мокасины и, посмотрев на нее, спросил веселым тоном, заразившись ее радостью жизни и улыбаясь в ответ:

– А вы кто такая?

– О-о-о! – подняв указательный пальчик, смеясь, заявила она с наигранной таинственностью. – Я такая. Такая!

И вдруг развернулась и быстро ушла, на ходу махнув ручкой на прощание и оставив его слушать ее удаляющийся негромкий смех-колоколец.

– И что это было? – с недоумением вслух спросил Вершинин.

И рассмеялся, качая головой от комичной нелепости ситуации – не, ну надо же! Какая-то совершенно незнакомая девица вот так – на раз-два, уболтала его впасть в детство и поскакать на старой кровати. Да еще песенку петь при этом! Дурацкую!

Не, представить только... Он! Прыгает на кровати!..

Но вообще-то... настроение-то улучшилось, как говаривал Гришковец. Причем не просто улучшилось, а кардинально улучшилось, помогла-таки кроватотерапия, а?! Девушка ведь была права!

Он неторопливо спустился на первый этаж, прошел в большую гостиную и сразу увидел бабушку, сидевшую в своем любимом знаменитом «королевском» кресле с высокой спинкой, и ту самую незнакомую девушку с чердака, пристроившуюся рядом с креслом на корточках, о чем-то весело рассказывающую бабушке, которая посмеивалась ее рассказу и неосознанно поглаживала ее по ладошке жестом особого расположения и даже любви.

Незнакомка заметила Вершинина, что-то тихо сказала бабуле, поднялась с корточек, коротко поцеловала Глафиру Сергеевну в щечку и вышла из комнаты через дверь, ведущую на веранду.

– Обо мне сплетничали? – подойдя к бабуле, посмеиваясь, спросил Григорий.

– Ну, а о ком еще беседовать девушкам, как не о мужчинах, – улыбалась радостно ему бабуля.

Он подтянул стул от стола, поставил его рядом с креслом Глафиры Сергеевны, сел, поцеловал ее в щечку и обнял рукой за плечи.

– Ба, – спросил он, – а кто это?

– Как кто? – поразилась бабуля и даже отстранилась, чтобы лучше видеть выражение его лица. – Не узнал, что ли?

– Не-а. – И поинтересовался: – А что, должен был?

– Подразумевалось, что да, – усмехнулась Глафира Сергеевна. – Ты ж ее даже замуж звал.

– Поклеп и навет, – тут же уверил Григорий с наигранной серьезностью и поклялся: – Ни одной даме я не делал столь опрометчивого предложения, – даже руку поднял с раскрытой ладонью, жестом, поддерживающим клятву.

– А этой вот делал! – рассмеялась бабуля и переспросила: – Что, действительно не узнал? Это ж соседская Марьяна, дочь Добродеевых.

– Да ты что-о-о! – совершенно искренне поразился он и непроизвольно посмотрел в направлении, в котором скрылась девушка, словно надеялся ее увидеть.

– Какая красавица стала, а? – спросила бабуля, словно ребенка любимого нахваливала.

– Да я особо и не разглядел, – признался задумчиво Григорий.

– А ты приглядиись, приглядиись, – серьезно посоветовала Глафира Сергеевна. – Она не просто красавица, она умница необычайная, рукодельница и труженица великая, – и, сделавшись вдруг совсем серьезной, глядя в глаза внуку, добавила: – И она стала очень близким, родным мне человеком. Живет в поселке постоянно уж три года и спасает меня все это время от одиночества и тоски. Да и не только от них. – И вдруг снова сменила настроение и заулыбалась загадочно. – Вот ты бы женился на ней, так я бы уж как счастлива была. И за тебя сердце бы не болело.

– Ба, да ты что? – недоуменно посмотрел на нее внучок. – Она ж ребенок совсем! Я не по этим делам! Это мимо! Ты что?

– Какой ребенок?! – рассмеялась от всей души бабуля. – Это она ребенком была, когда ты ей жениться обещал, а это ж когда случилось? Двадцать лет прошло! Ей уж нынче двадцать пять исполнилось. А ты – ребенок!

– Офигеть! – ошарашенно заметил Григорий, обнял Глафиру Сергеевну двумя руками и, положив голову ей на плечо, вздохнул печально: – Ба, по ходу, это не она малолетка, а выходит, что я уже старый козлице, – и повторил ошарашенно: – Двадцать лет! Трындец!

– Ты не старый, – посмеиваясь с нежностью, сказала Глафира Сергеевна, погладив его по голове. – Старая у нас здесь я – одна за всех. А ты мужчина, вошедший в самую лучшую пору. Молодые дурковатые. Жениться тебе надо, Гришенька, – вздохнула она, продолжая его поглаживать. – Да за женщиной хорошей и надежной жить, в счастье и радости. Тогда и мотаться по свету перестанешь, непонятно от чего бегая, – помолчала и вдруг засмеялась тихонько: – А помнишь, как ты ей предложение-то сделал?

– Ну, еще бы! – засмеялся с ней Григорий. – Такое разве забудешь! Это ж легенда семьи! Эпос!

Июль в тот год был не яростно жарящий, а переменный, как ветреная женщина – то

неделю жара несусветная палит, то резкое похолодание и даже дождик зарядит надолго с осенним намеком, то снова жара. Неизвестно как кому, а природе подмосковной эти перепады были явно в удовольствие и на пользу. Вместо вечно желто-сухой жесткой стерни, во что обычно в это время превращались луга, просторы ярко зеленели сочной травой, окрасившись чуть ли не как в мае.

Гриша с родителями ехал в «родовое гнездо» на отцовском стареньком «опельке», купленном в прошлом году у знакомого, гонявшего машины из Европы и продавшего его с очень большой уступкой по той причине, что эту машину пытались у них «отжать» в Польше дорожные бандиты, погоня была жесткой, и движок нехило так побили. Но Павел Петрович, посмотрев машину, предложил посмотреть ее и сыну и поинтересовался его мнением со всем уважением и вниманием:

– Ну, что думаешь, Гриш, брат? Сделаем?

– Да сделаем, батя, не вопрос, – вытирая руки ветошью, солидно уверил семнадцатилетний Григорий отца. – Сам же видишь.

Еще бы не сделать! Они с отцом из мусора болид скоростной сделать могут вполне реально! Ну, не болид – ладно, – но приличную машину точно, хобби у них одно на двоих. А если еще и дед подключится, коли время найдет в своем плотном рабочем графике, то тогда и вообще ракету намайстрячат, за милую душу.

Так что взяли и за пару месяцев из побитой и покоцанной машины сотворили агрегат с усиленным движком и вполне скоростными характеристиками. Да и кузов укрепили и модернизировали, улучшив салон.

Вот и ехали в удовольствие, с ветерком, открыв все окна, пружиня усиленными рессорами на ухабах, как в лодке во время легкой качки на море.

Красота!!

Видать все окрест, простор... И, уже подъезжая к поселку, узрели поразительное действие, особо яркое на фоне зеленеющей не по времени травы.

Одна-единственная на весь поселок и известная всем коза Кристина, принадлежащая местной жительнице бабе Ксении, носилась кругами на всю длину построма, привязанного к вбитому в землю колышку, и истошно, возмущенно бляла дурным голосом, периодически взбрыкивая задними ногами, пытаясь скинуть седока, устроившегося на ней верхом, – маленькую рыжую девчонку, вцепившуюся насмерть в рога козы двумя руками и истошно орущую во все горло.

– А-а-а-а!!! – вдыхала и снова орала она, трясясь на спине скачущей со всей возможной скоростью козы, умудрявшейся на бегу резво подкидывать задок. – А-а-а-а!!!

А чуть в сторонке стояли стайкой малыши, лет не больше шести, человечков пять, и тоже орали, но уже с явными элементами рыданий:

– А-а-а-а!!

Павел Петрович, резко прибавив скорости, направил машину к месту этого «родео» и, не успев автомобиль окончательно остановиться, Григорий рванул из салона, подбежал к козе и, ловко схватив под мышки наездницу, выдернул ее со спины козы и отскочил в сторону.

– А-а-а-а!!! – по инерции продолжала кричать девчонка, еще не сообразив, что спасение пришло.

– Ну, все, все! – успокаивал он ее, перехватив поудобней и усаживая у себя на руках. – Ты больше не скачешь!

– А? – теперь уж вопросительно произнесла девочка, осваиваясь в изменившихся

обстоятельствах. И посмотрела перепуганно на козу, так и продолжавшую скакать вокруг колышка и изредка, но уже менее энергично подвзбрыкивать задними ногами, скорее от возмущения, все более замедляясь, и перевела взгляд на Григория.

А он рассматривал ее со странным смешанным чувством офигенного веселья, которое она в нем вызвала, и какого-то удивления: рыжая, но не ярко-морковно, а сдержанно-рыжая копна растрепавшихся непокорных волос, торчавших во все стороны мелкими завитушками-кудряшками, видимо, уже не раз облезавший, облупившийся от солнца вздернутый носик, огромные от испуга темно-голубые глазищи и шесть крупных, словно их нарисовали фломастером, четких веснушек на щеках: три с левой стороны и три с правой. Такая забавная девчонка! Прямо вождь краснокожих!

И вдруг эта Веснушка, как Гриша тут же окрестил ее про себя, сложила ладошки, прижала их к груди, чуть склонила головку к плечу и с восторженным придыханием спросила, глядя на него еще больше расширившимися от озарившей ее мысли глазешками:

– Ты меня, что ли, спас?

– Получается, что так, – кивнул он, улыбаясь от умиления, вызванного ее серьезностью и стиснутыми ладошками, прижатыми к груди.

– По-взаправдашнему, как прямо принц спасает принцессу? – аж задохнулась она от такой яркой перспективы.

– Ну, не совсем, – веселился Гришка. – Принцы, они принцесс из башен там спасают, или от каких драконов безответственных. А я тебя просто с козы сдернул. Не тянет это на подвиг.

– Марьяна! – подлетела к ним в этот момент обеспокоенная Гришкина мама, прервав столь содержательную беседу, и принялась ощупывать ребенка. – Ты в порядке?! Ничего не сломала?!

– Здравствуйте, тетя Лиза, – поздоровалась девочка.

– Ты что, ее знаешь? – удивился Гриша.

– Ну, конечно, знаю, – продолжая ощупывать и осматривать ребенка, отделяющимся тоном подтвердила мама. И, убедившись, что с малышкой все в порядке, не считая испуга, уже более спокойно добавила: – И ты знаешь. Это же Марьяночка, дочь Добродеевых.

Добродеевы были соседями бабушки с дедом по участку – если смотреть от ворот и дороги, то слева, если спиной от дома, то справа. И не просто соседями, а практически родными людьми, так дружили их семьи с незапамятных времен.

Дядь Севу и тетю Василису Григорий, разумеется, знал очень хорошо и тоже считал их членами одной их большой семейно-дружеской компании, но девочку эту, дочь их, он, понятное дело, не помнил.

А чего ему ее помнить? Ну, бегают какой-то рыжик по участку и дому, так детворы той у них не переводится – то дети и внуки друзей бабули с дедом, постоянно приезжавшие в гости, то дети и внуки соседей-друзей, которые вообще практически пропадали на их участке и в доме целыми днями. Народу в «родовом гнезде» всегда бывало с избытком, а кто тут чья малышня, семнадцатилетнему Григорию было совершенно не интересно – своих дел выше крыши.

Вдруг эта Веснушка завозилась активно у него на руках и громко затараторила, размахивая руками, ринувшись делиться незабываемыми впечатлениями, что отхватила полной ложкой:

– Она как поскачет, как дурная, и как заорет!! А я как испугалась!! А она скачет и скачет

и ничего не слушает, а я ей кричала, чтобы «тпру!», как и положено!! Кричала!!

– Ты зачем на козу полезла, Марья? – хохоча, спросил Павел Петрович, неслышно подошедший к ним.

– Слово дала! – перестав тараторить, очень серьезно ответила малышка и снова сложила ладошки и прижала их к груди.

– Какое такое слово? – допытывался Гришин отец.

– Мы поспорили, – раздался вдруг мальчишеский голосок.

И трое взрослых, вернее, двое взрослых и один условно взрослый Гриша, посмотрели вниз. Оказалось, малышня, что выступала в качестве зрителей незабываемого забега, за это время кричать перестала, слезы-сопли вытерла и подтянулась к ним, внимательно слушая разговор.

– О чем поспорили? – веселясь все больше, поинтересовался Павел Петрович.

– Вика сказала, – он ткнул пальчиком в одну из девчонок, все еще нервно всхлипывающую, – что коза она как пони. Ну, маленькая лошадка, – пояснил пацан и продолжил закладывать товарищей. – А она, в смысле не коза, а Вика, была с папой на конюшне и видела, как дети катаются на этих маленьких лошадках и им это очень нравится.

– А Марька, – присоединилась к добровольной даче показаний еще одна девочка, – сказала, что это совсем другое дело, что лошадки специальные слова знают, которые команды называются, поэтому и слушают людей, а коза никаких таких слов не знает и слушаться не будет. Тем более наша Кристина, она вообще никого не слушается, даже бабу Ксеню. А Вика сказала, что вот и нет, будет. А слова эти она знает. Надо просто сказать: «Но!» – и ногами стукнуть по бокам, и коза побежит, а когда остановиться надо, то: «Тпру!» – и уже не бить по бокам, и она остановится.

– И сказала, – перебил предыдущую докладчицу пацан, – что командовать пони и козой может только тот, кто не заботится.

– А Марька сказала, что она не заботится, но Кристина все равно слушать не станет.

– А Вика, – влез еще один мальчуган, самый крупный из всей ребятни, и тоже ткнул пальцем в уже плачущую под градом разоблачений девчущку, – сказала, вот пусть она и попробует.

– Только пусть слово даст, что сядет на Кристину и не заботится, – закончила донос девочка.

– Она и дала, – вздохнув, подвел итог первый доносчик.

– И как ты взобралась на Кристину? – еле сдерживая рвущийся смех, спросил у Марьяны Гриша.

– Обманула, – надувшись, виновато опустила голову боевая рыжуха, – дала ей горбушку пожевать, погладила, погладила и забралась, пока она ела, – затем подняла голову, посмотрела на него полными слез глазенками и почти шепотом призналась: – Я же не могла не залезть, я же слово дала. Настоящее. Даже хоть страшно было.

– А что, ты всегда свое слово держишь? – посочувствовал он ей.

– А как же! – поразилась девчущка.

– Вот на таких девочках и надо жениться, Григорий! – рассмеялся от всей души и хлопнул его по плечу отец. – На таких, которые слово дают и держат, даже если страшно!

– А я и женюсь! – поддержал шутку Гриша, рассмеявшись следом за отцом, и, чуть подкинув на руках малышку, смеясь, спросил: – Ну, что, пойдешь за меня замуж, Веснушка?

– Я же еще маленькая, – поразилась девочка, посмотрела на него снова

расширившимися от удивления пронзительно-голубыми глазами и растолковала: – Мне же всего пять лет.

– А я подожду, – веселился он. – А когда вырастешь, пойдешь?

– Ты же меня спас, – напомнила она и вздохнула вдруг безысходно: – Тогда, наверное, надо идти.

Тут уж взрослые не выдержали и дружно разразились громким хохотом.

– Ну что? – вытирая проступившие от смеха слезы, спросил Павел Петрович и взял у сына из рук ребенка. – Поехали домой, сдадим тебя на руки родителям, наездница ты наша. Ковбой.

Ребенка сдали обеспокоенным родителям. Более тщательный осмотр дитя никаких видимых, да и невидимых повреждений не выявил, и уже через полчаса все взрослые, собравшись у Вершининых в доме, ухохатывались, когда Григорий с родителями принялись рассказывать эпопею с превращением козы Кристины в необъезженного дикого мустанга.

Но история на этом не закончилась.

На следующий день, когда вся родня и гости собрались за столом пить полуденный чай со сладостями и «баловством», как называла бабуля всякие печенюшки-плюшки, Марьяна Добродеева прошествовала от калитки между участками, поднялась по высоким ступенькам на веранду и, проигнорировав обращенные к ней вопросы, подошла к главе семьи Петру Акимовичу, восседавшему на своем законом месте во главе стола, и, сложив перед собой ладошки, со всей серьезностью спросила, нахмутив бровки:

– Дедушка Петя, ваш Гриша мне вчера сказал замуж за него выходить. А бабушка говорит, что надо сначала узнать, стоящий ли жених, и только потом замуж налаживаться. Она говорит, надо эту... – тут она прервала свою торжественную речь и задумчиво сморщилась, что-то вспоминая, и вспомнила-таки слово заковыристое, – ...екондацию старшего уважаемого спросить, чтобы дал жениху. Вот.

– Рекомендацию? – со всей, на какую был сейчас способен, серьезностью уточнил Петр Акимович, старательно сдерживая улыбку.

– Да, – кивнула рыжая голова и подтвердила: – Ее. Бабушка говорит, что эту... – она снова сбилась, вспоминая слово, – рекондацию дают словами и на бумаге важные люди. Ты ведь самый тут важный, деда Петя?

– Ну, наверное, да, – поддержал предположение Петр Акимович.

– Вот ты мне ее и дай, – снова кивнула девочка и вздохнула: – А то как же я замуж-то пойду, без нее-то.

– Да уж, никак без рекомендации-то, – солидно согласился дед Петр, кашлянул, справляясь со смехом, и поинтересовался: – Так тебе в каком виде: в устном или письменном? – И, заметив напряжение на ее личике, быстро разъяснил: – На словах или на бумаге?

Малышка задумалась, снова сдвинув бровки, и решила:

– На бумаге! Я ее бабушке покажу.

– Ну, хорошо. – Петр Акимович протянул руку девочке. – Идем в кабинет, выправим тебе документ.

И они ушли, а взрослые просто взорвались хохотом, еле дождавшись их ухода и подразнивая всячески Григория, ставшего вдруг женихом с рекомендациями.

Минут через пятнадцать Петр Акимович и Марьяна, державшая в ручонке скрученный трубочкой стандартный лист формата А4, вернулись на веранду к столу. Девочка вытащила

свою ручонку из большой руки Петра Акимовича, быстренько подошла к Грише и протянула ему документ.

– Вот, – вздохнула она с тяжелой необходимостью. – Таки придется жениться на тебе. Рекондация теперь есть, что ты стоящий.

Гришка, посмеиваясь, развернул лист и прочитал:

«Я, Петр Акимович Вершинин, сим документом удостоверяю, что мой внук Вершинин Григорий Павлович является достойным молодым человеком с блестящими знаниями, прекрасными способностями, целеустремленным и обладающим большим чувством ответственности. Также могу удостоверить в том, что его ждет крепкое, интересное будущее. Убежден, что из него выйдет прекрасный муж и отец.

В мужа рекомендую».

И в конце листа личная печать и размашистая подпись деда.

Да уж. Такое трудно забыть.

Еще неделю эта история являлась предметом громкого смеха и воспоминаний, Григория неизменно называли «женихом с рекомендациями», а малую рыжуху – невестой. Но по большому счету ему было по барабану, как его там называют, а девчушка так и вовсе оказалась слишком занята своими детскими играми с друзьями, чтобы обращать внимание на какие-то взрослые глупости.

Насыщенное всяческими происшествиями, встречами и делами лето вскоре и вовсе отодвинуло это яркое происшествие, правда, навсегда запечатлев его в легендах обеих семей.

В то лето у Григория началась новая жизнь – студенческая, он поступил в Бауманку, куда стремился, пойдя по стопам деда – учиться на инженера-машиностроителя атомной промышленности.

И так его в этой учебе и студенческой жизни закрутило-завертело, что в «родовое гнездо» он приезжал теперь крайне редко. Только на те торжества, что числились святыми семейными праздниками, на которые собиралась вся родня в обязательном порядке – дни рождения бабушки и деда, следовавшие один за другим летом с разницей в две недели, Новый год и День Победы.

Девочку Марьяну он больше не видел, да и, откровенно говоря, совсем забыл о ее существовании. Вспоминалась она ему, только когда приходилось встречаться в свои редкие приезды с ее родителями или бабушкой-дедушкой на праздниках, но вспоминалась мимолетом, теплым напоминанием о смешной рыжей девчушке.

Наверное, он даже видел ее когда-нибудь, но честно не помнил никакой Марьяны, да к тому же это была уже совсем другая девочка – подросток, изменившаяся и... абсолютно для него незаметная. А может, и не виделись, не встречались ни разу – бог знает. Его же память навсегда запечатлела ту маленькую забавную девчушку, умильно складывавшую ладошки и смотревшую на него огромными темно-голубыми глазами.

Да-а-а уж, девочка выросла. И перестала быть ярко-рыжей. Переросла, видимо. Теперь это темная, изысканно патинированная благородная рыжина.

Интересно, у нее все такие же темно-голубые глазищи и сохранились ли те шесть ее великолепных веснушек на щеках?

– А давай-ка по чайку? – предложила бодрым тоном бабуля, возвращая его из яркого прошлого. – А то до обеда еще далеко, а ты с дороги.

– А давай! – согласился Григорий.

– Ну, тогда иди, скажи Жenuарии, чтоб накpывала.

– Кому? – подивился он.

– А-а-а, – отмахнулась со смешком бабуля. – Мы теперь так Женю нашу называем с легкой руки Марьяши. Женька насмотрелась каких-то программ про грамотное ведение хозяйства домработницей, пришла ко мне и серьезно так запросилась на специальные курсы. Ну, я благословила и денег дала. Она отзанималась три месяца, сдала там тесты какие-то и должна была держать экзамен передо мной, чтобы я поставила ей оценку в специальный дневник. Что-то типа акта-приемки нанимателем. Готовилась она всерьез. Нас с Марьяшей, как комиссию по приемке, выставила из гостиной и строго-настрога запретила заходить, пока не позовет. Позвала. И мы обалдели: Евгения наша в строгом черном платье, заметь, коротком, выше колена, в белоснежном накрахмаленном фартуке с приколотой к груди верхушечкой, в кружевном, накрахмаленном же наголовнике. А стол сервирован нашим лучшим фарфором и серебром, салфеточки в держателях, хрусталь сверкает, и посередине красуется утка на блюде. Марьяша посмотрела на всю эту красоту и говорит протяжно: «Не-е-е, никакая ты теперь, Евгения Борисовна, не Женечка». – «А кто ж?» – прямо оторопела Женя моя, а Марьяша с эдакой торжественностью сообщает: «Ты теперь, Евгения Борисовна, при такой-то красоте, целая Жenuария, не иначе, эт точно!» Женька наша знать не знала, кто эта самая Жenuария есть такая, но от удовольствия и похвалы расплылась в улыбке. А потом уж и сериал этот старый посмотрела. Да и я, грешным делом, глянула пару серий, так от смеха чуть до греха не довела.

– Что за сериал? – улыбался ее настроению Григорий.

– Да ты не помнишь. Показывали его на заре перестройки. Без слез не глянешь на игру актеров, но не в этом дело. Ты нашу Женю в коротеньком черном платье и в красоте накрахмаленной вообще представляешь?

И Вершинин вдруг совершенно отчетливо представил, словно увидел это «кино» своими глазами.

Женя, работавшая домработницей бабули последние лет десять, женщина неопределенного – от тридцати пяти до сорока пяти возраста, обычной русской внешности, поражающего душевного простодушия и открытости, которое если и можно найти в наше время в людях, то, наверное, только в какой-нибудь глубинке забубенной. И при этом весьма впечатляющей комплекции – маленькая, не больше метра шестидесяти, кругленькая, килограмм под сто, с оттопыренной попкой, с гранитным бюстом, с короткими толстенькими-крепенькими руками-ногами и при таких габаритах необычайно шустрая, везде поспевающая, домовитая, спорая, охочая до любого дела и чрезмерно эмоциональная.

И когда он представил себе всю эту красоту в коротком черном платье, с приколотым на гранитный бюст наверху крахмального фартучка, и белоснежный кокошник на голове, то постепенно, начав тихо посмеиваться, все больше и больше заводился.

– Вот-вот, – поддержала внука в его фантазиях бабушка и принялась посмеиваться за компанию.

– Нет, – качал он головой. – Это точно Жenuария какая-то! Права твоя Марьяна!

– И что ты думаешь, – смеялась уже всю бабуля. – С тех пор как прилипло! Теперь только на это имя и отзывается, с гордостью носит. А семья уже и забыла, как ее раньше величали, все теперь только Жenuарией и кличут.

– И чего смешного? – донесся от двери обиженный голос Жени. – Правильное имя. К тому же я высшую квалификацию получила, а это вам не деревня какая.

– Все-все, – утирала слезу бабуля. – Никто не спорит: имя что надо! – И, успокаиваясь, попросила: – Чайку нам организуй, Женуария ты моя.

– Мигом! – пообещала новоиспеченная мексиканка и умотала в кухню.

Они попили чайку с вареньицем и маленькими пирожочками, поболтали о пустяках, посмеялись над его кроватной терапией на чердаке, и бабуля предложила внуку пройти прогуляться до обеда.

На обед должны были приехать некоторые из родственников и прийти Марьяна, о чем и уведомила внука Глафира Сергеевна, стрельнув на него несколько тревожным взглядом, но быстро отвела глаза, надеясь, что тот не заметил беспокойства.

Конечно, он заметил и, конечно, не подал виду, чтобы не расстраивать бабушку попусту, все это было понятно и давно привычно – ее беспокойство за него, попытки оберегать и защищать перед семейством и его стойкое намерение оберегать и защищать ее от того же семейства.

– Пойду, – как можно более беззаботно сказал Григорий, подошел к бабуле, наклонился и поцеловал в щечку.

– Иди, – благословила она, погладив его по щеке.

Он бродил по их огромному заросшему участку и уже смиренно принимал воспоминания, взявшиеся за него нынче всерьез, махнув мысленно рукой и осознав всю бесполезность борьбы с ними. Видимо, это было неизбежно: приехав сюда, сразу же попасть в плен прошлого, навязчиво и неотступно прокручивавшего киноленту памяти, смотреть на прошлую жизнь, ее радости и смех, беззаботное детское и юношеское счастье, достижения, победы и поражения и... черную горечь потерь и темноту обид.

И ему казалось, что он старый замученный старик, так много вместилось, оказывается, в его памяти событий, эмоций и такую почти физическую боль в груди вызывали воспоминания о той, прошлой, далекой счастливой жизни в кругу большой, дружной семьи, что давала ощущение полной защищенности, плеча к плечу, причастности к роду.

Той, что оказалась иллюзией, обманом, детской сказкой.

Но имелось кое-что пострашнее крушения иллюзий и предательства.

С того памятного трагического дня двенадцать лет назад он был в этом доме всего два раза, в дни рождения бабушки: на восьмидесятилетний юбилей и еще один раз на восемьдесят пять, и появлялся-то всего на пару-тройку часов – поздравить, поцеловать, почувствовать ее объятия, как в детстве, ее необыкновенный прекрасный запах, посидеть за праздничным столом, с особым удовольствием вызывая у родни сковывающее чувство неловкости и глухого недовольства – и уезжал.

Бабульку он обожал, баловал насколько мог, оберегал и общался с ней постоянно по скайпу. Раньше даже письма писал, иногда длинные, подробные, по несколько листов, когда застревал где-нибудь из-за непогоды или на вахтах. Потом они оба обзавелись хорошими мобильниками, и он мог дозваниваться ей из любой точки, где имелся хотя бы намек на сотовую связь. А года три назад отец научил бабулю пользоваться скайпом. Компьютер у нее имелся с еще незапамятных времен, и она благополучно им пользовалась. Умела.

Так что связь они держали плотную и с удовольствием болтали при любой возможности.

Правда, как выяснилось, бабушка далеко не все поверяла внуку о своих делах, например, о девушке Марьяне умолчала. Да и он, ту же правду говоря, во многие свои дела-заботы

бабульку не посвящал.

Ну, это-то понятно.

Участок зарос еще больше с тех пор, как Григорий видел его в последний раз. Да он всегда был заросшим, по-хорошему так, по-честному – с кустами дикой малины у дальнего угла забора, с жимолостью, жасмином, сиренью, с соснами корабельными, тянущимися в небо, березами, вековыми липами и осинами, с яблонями и рябинами и множеством иных деревьев и кустов, создававших для детей идеальные места к обустройству штабов, схронов и возможностей спрятаться от взрослых и погрузиться в свои игры.

Впрочем, как тогда, так и сейчас за участком следили и обихаживали, это было заметно, где надо и что требовалось подрезали, прореживали, сажали или выкорчевывали, траву на лужайках у дома косили, сохраняя достойные газоны, а за высокими небольшими грядками на заднем дворе ухаживала Женя, ставшая теперь Желуарией.

Это интересные грядки. Никто никогда не выращивал на участке ничего, кроме цветов. Но однажды дядя Сева Добродеев, папа Марьяны, возвел у себя на участке высокие грядки. Он-то за своим участком очень даже следил и занимался ландшафтным дизайном, периодически раз в два-три года меняя его от неумности творческой фантазии, потому как был архитектором. Вот однажды он и возвел эти высокие грядки – сделал кирпичные длинные коробки с фундаментом, засыпал туда землю, посадил всякую зеленушку.

Идея настолько понравилась деду и бабуле, что те тут же затребовали себе такие же. Потратив пару выходных, дядя Сева с отцом Гриши, с самим Гришей и Костиком возвели эти грядки на заднем дворе возле выхода из кухни.

Идея оказалась великолепной!

Посадили салаты-травы, редиску, лук-чеснок, даже кабачки и тыквы сажали и еще что-то, это была уже женская епархия, Григорий не вникал. Но летом теперь всегда на столе водилась свежая зелень прямо с огорода – удобно и вкусно. А уж как она пахла!

Вершинин поймал себя на том, что улыбается, думая про это, и перед мысленным взором четко и ясно проходят те далекие дни, освещенные солнцем, люди, события точно в кино, он даже ощущает запахи тех дней...

Однажды он прочитал на уцелевшей стене одного из разгромленных и сожженных женских монастырей в Сербии: «Гарь – вот истинный запах ваших бесполезных молитв!» Так было написано там по-сербски, но проводник перевел Григорию тихим скорбным голосом то, что написали нелюди, убившие монашек и разрушившие священное место.

Горечь – вот истинный вкус бесполезных воспоминаний – мог сейчас, перефразировав, сказать себе Григорий.

Развернувшись, он быстро вышел с участка и направился к лесу.

Но, ясное дело, от себя-то... ну вы в курсе.

Этот лес – каждая его тропинка, каждое дерево и кустик, каждое грибное место и овражек, камень, холмик, были известны ему и излазаны вдоль и поперек – надо ли говорить, что цепкие лапки воспоминаний не собирались оставлять его и тут.

«А, и ладно! – махнул мысленно Вершинин, сдаваясь. – Банкуйте, как говорилось в известном фильме!»

Но! Будучи человеком продуманным, последовательным и тщательным в мелочах в силу профессии и таланта, он решил взять воспоминания в свои руки и, коль уж донимает прошлое, то направить его в правильно русло, то бишь начинать, так с самого начала и двигаться поступательно шаг за шагом.

– А где у нас начало? – невесело усмехнулся Григорий, неторопливо шагая по тропинке. – Пожалуй, с деда.

«Нет, – возразил он себе. – Если действительно подробно и с начала, то с прадеда. С него все началось».

Понятно, что имелись в семье и более далекие и не менее интересные предки, но история их рода в том виде, в котором он сформировался и существует, началась именно с прадеда – Вершинина Акима Лукича.

Аким Лукич был историком, искусствоведом, специалистом по русскому изобразительному искусству, начинающим галеристом и музейщиком, к своим двадцати восьми годам уже заслужившим достойную репутацию и даже известность, человеком, душою и пламенным сердцем радевшим за русскую культуру, очень увлеченным своим делом.

А тут Октябрьская революция семнадцатого года.

Сначала никто ничего не понял – ну, какие-то непорядки в Питере, так к ним уж привыкли за последние годы: то эсеры, то анархисты, то большевики – все бунтуют, баламутят простой народ, и каждый со своими призывами свергнуть власть. Так думало большинство московского купечества и дворянства, а когда уж до них добралось...

Несколько недель шли бои этих самых большевиков с кадетами, засевшими в Кремле и ближайших зданиях, которые новоявленные власти с особым удовольствием раздалбывали из пушек и пулеметов.

Прадед рассказывал прабабушке, а она уже потом и сыну – Петру Акимовичу, что когда он увидел, как пострадал Кремль, церкви и дома, и как солдаты и офицеры мешками тащат из проломов в стенах Кремля ценности и музейные экспонаты, и близко не представляя их истинную стоимость и значимость, и никто! – никто!! – не препятствует им и не может навести порядок, не останавливает это варварское разграбление, он понял, что эти пришли надолго. И пока они все не сметут на своем пути – не остановятся!

А еще со всей ясностью и четкостью осознал, что Россия пропала! Все! Не будет больше привычной России! Он видел выражение лиц этих бесноватых от вседозволенности, безнаказанности любых деяний людей, видел их блестящие, как у морфинистов, глаза, шалевшие от крови и возможности захватить, украсть все то, что раньше было недоступно, – и он понял, что все то, чему он был бесконечно предан: культура, искусство, традиции, все прекрасное, великое и святое России будет сметено огненным ураганом этой вырвавшейся, бесконтрольной необузданной дикой силы сошедших с ума людей.

Он не спал ночь – ходил, а скорее метался по квартире в тягостных раздумьях. А утром, умываясь, посмотрел на себя в зеркало и увидел широкую седую прядь волос у правого виска, которая появилась у него за эту ночь. Вот так.

Но он не предавался горю и безрадостным мыслям и не утопал в безнадежности – нет. Не таков был Аким Лукич – он был человеком действия, оттого и принимал решения, ставил перед собой задачи и раскладывал в голове дела по мере их первоочередной важности.

И первым пунктом самой наиважнейшей срочности шла... женитьба на милой Полиночке, дочери друзей их семьи Ланевских. Он давно был в нее влюблен и знал, что женится на ней, и Поленька отвечала ему истинной взаимностью, да вот только молода была невеста, на десять лет его помладше, вот и ждали обе семьи, когда подрастет. Месяц назад ей восемнадцать исполнилось, назначили день свадьбы на весну.

Какая теперь весна? Будет ли она, та весна, и где, как?

Но Аким неизвестным чутьем, обострившейся интуицией совершенно ясно и четко понимал, что жениться надо срочно, чтобы защитить Поленьку от того бедового, кровавого и страшного, что происходит в стране, почему-то был абсолютно уверен, что только он и сможет ее защитить.

Только он!

За ту самую страшную ночь в своей жизни он многое понял, просчитал и...

А вот про это самое «и» в семье до сих пор идут споры – дед Петр Акимович был абсолютно уверен, что его отец обладал неким ясновидением, помноженным на невероятную эрудицию, аналитический дар и широкий диапазон интересов. Семья же в отношении ясновидения сомневалась, ну, по крайней мере, относилась к этому утверждению с осторожным скепсисом, соглашаясь, что наверняка какие-то способности у Акима Лукича имелись, но в большей степени он все же полагался на свое умение анализировать огромное количество информации одновременно, внимание к любым мелочам, уникальную память и знание международной и геополитической обстановки как в стране, так и в мире в целом.

А еще на – вот тут точно не совсем обычное – умение чувствовать людей, вычислять их и потрясающую способность к убеждению, умение разговаривать и находить ключик к каждому человеку.

Откуда такие знания о жизни прадеда и споры о его способностях? Все просто – начиная с той самой своей страшной бессонной ночи после падения Кремля Аким Лукич начал вести подробные дневники и делал это долгие годы, вплоть до самой смерти. А Полине Георгиевне и его сыну Пете удалось эти дневники сохранить, впрочем, как и все, что приобрел и сделал Аким Лукич.

Так вот, вернемся в нерадостное утро после эпохальной ночи.

Аким Лукич отправился к Ланевским, по пути зайдя на телеграф, где уже орудовали люди в длиннополых солдатских шинелях, но, как ни странно, телеграф все же работал, и, под улюлюкание и издевки не совсем трезвой солдатни, больше похожей на дезертиров с красными лентами на папах, не реагируя на оскорбления и явное желание задеть его, он отправил телеграмму родителям, в которой в категорической форме запретил им даже думать возвращаться в Россию, велел оставаться на месте и обещал еще связаться, написав в конце: «Здесь все пропало и закончилось. За меня не беспокойтесь».

После чего отправился в банк и еще больше удивился, обнаружив, что тот все еще работает, правда, принимая только своих постоянных клиентов. Обрадовавшись такому обстоятельству, он полностью обнулил их с родителями счет – большую часть переведя им, сопроводив запиской, в которой строго распорядился, чтобы они по получении денег потребовали выдать их во французской валюте по курсу. А часть денег оставил себе, попросив выдать их в золотых червонцах. Но банкиры тоже не дураки, явно намыливались срочно закрываться до лучших времен и золотом расплачиваться отказались.

Аким Лукич спорить не стал, а, взяв ассигнации, зашел к знакомому ювелиру, приобрел два обручальных кольца, несколько тонких пластин простого золота, тихо радуясь про себя, что ювелир оказался менее ушлым, чем банкиры, и пока не понял до конца масштаба всей трагедии. За коею недальновидностью Аким и прикупил у него еще несколько драгоценных камней, оставив себе совсем немного денег на жизнь.

И отправился дальше – к Ланевским, размышляя по дороге, что в общем и целом обоим их семействам необычайно повезло. Необычайно!

Ну, во-первых, его родители уехали в Ниццу, где у них имелся небольшой домик на берегу моря, купленный еще его дедом десятки лет назад. Уехали потому, что у мамы после воспаления легких была ужасная слабость, и врачи категорически приказали уехать из осенней холодной и слякотной Москвы на юг, к морю.

Вот и уехали, слава тебе, господи!

И не вернутся, они его послушаются обязательно. Наверное, с тех пор, как Аким исполнилось семнадцать, родители полагали его взрослым и очень умным человеком и как-то незаметно привыкли уважать его и принимать чуть ли не главой семьи. Так что сделают, как он сказал, и останутся в Ницце.

Это хорошо, это очень хорошо!

А во-вторых, отец Поленьки, Георгий Иванович, боевой полковник, артиллерист, две недели назад приехал с фронта на побывку, собственно на неопределенный срок.

На фронте творилось не пойми что – анархия, разброд и дикость смертельная: убивали офицеров, агитировали без конца не пойми кто и за что – кипело, бурлило, солдаты как с ума посходили. Вот мудрое начальство, видя всю бессмысленность каких бы то ни было попыток управлять младшим составом, отправило офицеров по домам вполне официально.

У Ланевских помимо Поленьки было еще трое детей: Борис – шестнадцати годов, Михаил – семи лет и совсем неожиданная радость – Верочка двухгодовалая.

Придя к ним, поцеловав в щечку выбежавшую встречать жениха Поленьку, ахнувшую, увидев его седину, Аким отстранил нежно невесту от себя и, твердо посмотрев на Георгия Ивановича, сказал, что им требуется поговорить.

Пройдя в кабинет и подождав, когда будущий тесть закроет двери, Аким сразу же приступил к главному:

– Георгий Иванович, вам с семейством требуется срочно уезжать из России, пока еще есть такая возможность. – И повторил с нажимом: – Срочно!

Он долго, подробно и четко растолковывал свои выводы и опасения, а также давал ценнейшие советы. Они обсудили все, что было необходимо, и Георгий Иванович согласился с одним главенствующим в данной ситуации постулатом – лучше подстраховаться, чем рисковать безопасностью семьи.

С Поленькой Аким повенчался через три дня. Через две недели семья Ланевских покинула Россию.

Больше никогда они не видели своих родных.

Тогда же... Все самое важное для спасения семей он сделал, теперь следовало послужить Родине.

Да, да! Именно так Аким понимал свою жизненную обязанность. Только исполнение своего долга перед Родиной Аким Лукич видел несколько иначе, чем большинство богатого сословия гибнущей в тот момент страны – не в противостоянии, саботаже, войне против большевиков или бегстве за рубеж и оплевывание оттуда бывшего отечества – нет!

Как истинный интеллигент и патриот России, он считал, что обязан сохранить и спасти какие только сможет произведения искусства и культуры. Спасти для потомков, для народа, для человечества, хоть что-то! У него был четкий план.

Аким поехал в Питер, разумеется, с Поленькой, которую теперь не оставлял одну без пригляда, – поехал встречаться с Лениным, выяснив, что этот человек у руля новой власти.

Вот так, мелко не плаваем!

И что бы вы думали? Он таки к нему попал!!

В дневнике Акима Лукича подробно описана эта прямо эпопея. Он действовал через каких-то знакомых своих друзей, у которых они остановились в Питере, и знакомых тех знакомых, имевших отношение к большевикам. Через звонки и его прямолинейную наглость и напор, он таки попал в Смольный, в кабинет к Ленину, где помимо вождя всех времен и народов находились еще и Дзержинский, Свердлов и – тут Акиму Лукичу повезло! – будущий министр культуры Луначарский, обсуждавшие какие-то свои «архиважнейшие» революционные дела.

– Ну-с, – отвлекся от заседания Владимир Ильич и обратился к Вершинину: – Что вы, батенька, хотели нам сказать такого важного?

И тот сказал.

Он сказал, что в данный момент они теряют огромное количество произведений искусства, которые гибнут в пожарах помещичьих усадеб, что жгут крестьяне, и растаскиваются по углам темными личностями, не понимающими истинной ценности и важности. А ведь это – вот тут внимание! – валюта и реальные деньги, и богатства, которые на международных аукционах можно продать за огромные деньги. А это, в свою очередь, продовольствие, обмундирование, оружие и деньги.

– И что вы предлагаете, батенька? – внимательно выслушав его речь, уже более заинтересованно спросил Ильич.

Аким Лукич пояснил, что он предлагает создать некие летучие отряды, которые поедут по уездам и будут экспроприировать ценности по усадьбам помещичьим, музеям, господским домам в уездных городах до того, как их подожгут и разворуют крестьяне и бандиты. Отряд с особыми полномочиями. И перевозить все спасенные ценности в Гохран, например.

Главное успеть спасти как можно больше. Хотя бы так. Хоть что-то спасти!

Вообще-то спорная идея, да и решение такого пути спасения достоинства страны и сотрудничество с новой властью для человека его положения, скажем так, весьма рискованно и еще более весьма неоднозначно. Но Акиму Лукичу в тот момент именно так виделась его роль. Ну, вот так.

Был ли он прав? Вопрос.

Ильич задумался, потом велел ему подождать в коридоре. Через сорок минут Вершинина пригласили снова войти в кабинет и объявили решение.

– Создавать несколько летучих отрядов для спасения ценностей мы не можем. Людей нет, у нас сейчас совсем другие наиважнейшие задачи. Но два отряда снарядить вполне способны, один из них вы и возглавите, как рационализатор и инициатор идеи. – Ленин, хитро прищурившись, резко спросил: – Возьметесь? Или только рассуждать охочи, а работу пусть другие делают?

– Возьмусь, – тут же согласился Аким Лукич.

Помимо реальной возможности воплотить свою идею, Акиму вручили мандат за подписями Дзержинского и Ленина с прописанными там широчайшими полномочиями вплоть до права расстреливать на месте саботажников и всех препятствующих революционной экспроприации; кожаную куртку, галифе, сапоги с портянками, кожаную фуражку, портупею с «маузером» в деревянной коробке и пули к нему. А также подробные карты Центральной России, трех солдат и трех матросов с винтовками, два грузовика, ящики с продовольствием и боеприпасами и одного воинствующего комиссара.

А также поставили на довольствие его жену Полину, отправленную Акимом обратно в

Москву в их квартиру. Он удостоверился, что секретарь Ленина лично связался с наркоматом в Москве, отдав распоряжение об охране и особом отношении к жене «товарища уполномоченного», выполнявшего ответственнейшее задание партии.

В дневниках прадеда подробно описывались те несколько лет, что он проездил со своим отрядом по селам, городам, вехам и весям России, спасая, что мог. Эти записи, сделанные четким убористым почерком, прекрасным эмоциональным слогом, били любого, кто их читал, по нервам. До дрожи и холода внутри. И неверия, что такое было возможно и люди способны до такой степени звереть и терять все человеческое, как и становиться героями, жертвующими собой.

Страшное, дикое время, полное противоречий, мерзостей и великих подвигов.

В холодных исторических фактах, да даже и в самых откровенных современных документальных фильмах, рассказывающих про то время, нет и десятой доли той страшной, ужасающей бессмысленной кровавой вакханалии, что творилась в те годы. Порой трудно поверить, что люди одной страны, единоверцы, друзья и братья способны с какой-то животной жестокостью так уничтожать друг друга, словно в один момент все они разом посходили с ума.

Не счесть страшных, опасных и невероятных ситуаций, в которые пришлось попадать Акиму Лукичу вместе с его отрядом.

Вот, например, одна из них – не самая страшная и трагичная, но ярко характеризующая Акима Лукича как личность, как мужчину и человека.

Это было в восемнадцатом году.

Их отряд по наводке какого-то уездного наркома отправился в большое имение известного на всю округу помещика. Подъезжая, еще издалека они услышали звуки стрельбы идущего боя.

Прибавили скорости и застали несколько нестандартную картину – по кустам и за деревьями попрятались маргинальные личности, которых развелось немало, попросту бандиты, лучше всего чувствовавшие себя во времена таких вот перемен и революций.

Откровенные воры-грабители, дезертиры в обносках формы, словом, банда. Ну, вот прячутся они и постреливают по усадьбе, обнесенной оборонительной стеной из мешков с песком, телег с землей, досок и всякой утвари. Укрепления возведены грамотно, по всем правилам, явно под руководством человека военного. И что самое интересное: оборону держат не только мелькавшие то там, то здесь мундирами и шинелями военные, а по большей части крестьяне.

Резкий, частенько до глупости и идиотизма, комиссар Володин приказал тут же ударить бандитам в спины. Завязался бой, бандитов постреляли, да не всех – некоторые успели убежать, а спасенные раскрывать объятия и приглашать в гости спасителей не торопились.

Но Акиме Лукичу удалось уговорить их провести переговоры.

За баррикаду разрешили пройти только ему и Володину. И, оказавшись внутри обнесенного периметра, оба от удивления закрутили головами – везде шла не суматошная, а обычная размеренная жизнь: кто-то стоял на часах и просматривал местность, кто-то, поставив винтовку возле себя, вернулся к прерванному боем делу: застучал молоток по наковальне, где-то доили корову, подковывали лошадь, взбивали масло, крестьянки развешивали стираное белье – все мирно, по порядку и хозяйскому укладу, словно мир вокруг не летит в тартарары в кровавых брызгах.

В доме их встретил хозяин – как позже выяснилось, полковник лейб-гвардии Вячеслав

Владимирович Новин. Выслушав представление и прочитав врученный ему мандат, вернул его обратно и спокойным, дружеским тоном уведомил, что покидать усадьбу не намерен, сдавать нажитое его семьей добро тоже. Может предложить отобедать, а после просил бы покинуть его территорию.

Володин было дернулся права качать и, покраснев от возмущения лицом, обещать непременно приезд отряда солдат с пулеметами, что, собственно было правдой, поддержка местного наркомата была самой всеобъемлющей, вплоть до войсковых операций. Но Аким Лукич уже привычно его остановил и попросил хозяина побеседовать спокойно только с ним, без комиссара нервного.

Тот согласился, но сразу же предупредил, что участвовать в беседе будут и товарищи по обороне.

Оказалось, что в своем поместье он собрал фронтовых боевых друзей с семьями и своих родственников, и крестьяне поддерживают его полностью и по собственному почину и совести. Кто только не пытался их отсюда выкурить, все уходило ни с чем и сильно побитыми.

Так вот Новин и сидит уж восемь месяцев и уверен, что пересидит всю смуту.

– Не пересидите, – тяжело вздохнув, покачал горестно головой Аким Лукич.

И принялся пояснять, что происходит в стране и что изменилось за это время. Конечно, тогда еще имелась совершенно обоснованная даже не уверенность, а большая вероятность, что большевикам осталось недолго – белое движение, набиравшее силу и давившее по фронтам красных, поддержка Антанты, высаживающейся на Дальнем Востоке, только Вершинин твердо знал, что ничего не поможет и уже не спасет Россию от большевизма.

Ужас происходящего состоял в том, что управляющая верхушка глупо, бездарно, а частенько откровенно предательски про...ла Россию. Никто не хотел видеть роковой, критической разницы в доходах и жизнях между простым населением, крестьянством и правящей верхушкой и средним классом.

Никто не хотел понимать, что сильная Россия категорически не нужна Западу, Европе и Америке, и что те предпринимают, уже даже не скрываясь, откровенные шаги, чтобы ослабить, разорвать Россию.

Да и на Родине бурлящая масса уже была в готовности – только сдвинь и дай волю, поверни в нужном направлении, пообещай реальное, убеди – и покатится!

Вот она и покатилась!

Покатилась убийственной глыбой с горы, все сметая на своем пути! Эти люди уже вкусили дикой свободы разрушения, разрушив в первую очередь в самих себе любые ограничители, им совершенно нечего терять, у них попросту ничего нет – это оторванные от земли и дела мужики, вкусившие крови по горло и уже не боящиеся ничего, даже смерти, а их руководители знают и чувствуют огромную поддержку Европы за спиной и подпитываются ею.

И пока не разрушится все до последней основы, это безумие не остановится.

Все присутствовавшие потрясенно молчали, когда Аким Лукич закончил говорить.

– И что в таком случае делать? – прохрипел Вячеслав Владимирович, первым пришедший в себя.

– Соберите все ценности, но только драгоценности, золото, валюту, минимум необходимых вещей, документы. Мы дадим вам спокойно уйти, обещаю. Вячеслав Владимирович, я покажу вам на карте безопасный проход. Вам надо уходить за границу, пока

такая возможность еще есть.

И он рассказал, что происходит сейчас в сопредельных государствах и на их границах.

– Решайте сами, куда и как добираться, но в России вам оставаться нельзя.

– А что будет с домом, имуществом? – спокойно спросил полковник.

– Увы, но все это мы реквизируем. Чтобы усадьбу не уничтожили, посоветуйте крестьянам организовать тут что-то типа лазарета, больницы, они сейчас всем нужны: и белым, и красным, и анархистам. А картины и ценности, уж извините, я изыму. Будут в музее выставляться.

– Когда? – горько усмехнулся полковник.

– Обязательно будут, – убежденно уверил его Аким Лукич.

– Как вы вообще можете сотрудничать с этой властью? – спросил Вячеслав Владимирович осторожно. – Вы же интеллигентный человек, истинно русский патриот.

– Я не сотрудничаю с властью и не очки себе зарабатываю, – устало ответил Аким Лукич, – я спасаю что могу, что в моих силах уберечь от уничтожения и разграбления. Смуты страшные случались в России не раз, и страна наша чего только и кого только не пережила. Самое важное, что есть и остается, сама она – Россия. Вот ей и служу.

Слово он свое сдержал и к вечеру пропустил без задержек потянувшиеся из усадьбы телеги с людьми и скромным скарбом. Подъехавший к нему на великолепном коне Новин соскочил на землю, крепко пожал руку и искренне пожелал:

– Удачи тебе, Аким Лукич. Хотя я и не согласен с вашей позицией, по мне так людей спасать надо, страну, а не барахло. Но каждый видит свой долг по-своему, – тряхнул еще раз, крепко сжав ладонь, и от сердца повторил: – Удачи!

– И вам, Вячеслав Владимирович, – пожелал искренне он.

– Ты зачем их отпускаешь?! – возмутился вслед уехавшим комиссар.

Они шибко поругались, когда Вершинин объявил ему свое решение и данное слово отпустить сидевших в усадьбе. Поспорили бесполезно, но Володин, скрипя зубами и обещая все донести куда следует, подчинился. Старшим отряда все же был Аким Лукич, да и солдатики с матросами за это время успели проникнуться к нему великим уважением и почтением. Слушались и защищали.

– Может, это деяние, – уставшим голосом сказал тогда ему Вершинин, – тебе, Володин, зачтется, когда предстанешь перед судом неземным. Может, и не спасет от геенны, но хоть срок сократит.

– Мракобесие это все поповское, – отмахнулся тот и сказал вдруг потрясающе-убийственно верную вещь, которую и сам-то не понял: – Вот она, здесь ваша геенна огненная, – и обвел рукой просторы.

– А знаешь, почему за него крестьяне воевали? – вдруг спросил Аким Лукич и, не дождавшись ответа, пояснил: – Потому что он настоящий хозяин. В полном смысле слова для них «отец родной». Он своих крестьян берег, любил, заботился о них. Построил школы, больницу, даже садик для деток малых. Оплачивал обучение в городе одаренным детям и стипендии им начислял. Платил крестьянам за излишки продуктов, землю любил, ухаживал за ней, и все у него росло, ладилось, и люди были здоровы и довольны, свободу имели, будущее. А вы всех под корень, всех! – И с внутренней выстраданной болью вдруг спросил: – А что дальше-то будет? Рано или поздно закончится война и резня кровавая, и что делать-то будете, как землю, хозяйство, страну поднимать? Сколько понадобится лет, десятилетий, чтобы заново вырастить и воспитать таких вот мужиков толковых, любящих землю свою, на

которых вся Россия и держится? Э-эх! – безнадежно махнул он рукой.

– Вот я и говорю: контра ты, Вершинин, тебя самого к стенке надо.

Да. Отношения между ними были именно такими – комиссар Акима все к стенке пристраивал и налаживал, а тот его от беспредела революционного останавливал да притормаживал чрезмерную расстрельную активность.

Ладно, про те его скитания с обозом можно бесконечно рассказывать, на несколько книг хватит записей в его дневниках. В общем-то, так подробно о деяниях Акима Лукича в те годы повествуется только ради одного и важного факта – он спасал культурное богатство страны! И передавал изъятое в Гохран и в Московский Кремль, где временно складировали произведения искусства и иные ценности.

Кстати, к вопросу о правоте его выбора метода спасения достояния страны – за те годы, что Аким колесил со своим отрядом по Центральной России, ими были вывезены и переданы на хранение сотни полотен известных и малоизвестных художников – сотни! И вещей, представляющих художественную ценность, – неисчислимое количество.

Но! Не все!

Вот это важно! Некоторые, пострадавшие от огня или порченые водой, порезанные или порванные, словом, подлежащие реставрации картины, он забирал себе. О чем получал вполне официальный документ, назначавший данные полотна его личной собственностью, выданной государством в виде награждения «...за безупречное выполнение особого задания партии и проявление на своем боевом посту героических качеств и революционной твердости».

Полотна он потихоньку отдавал реставрировать знакомым мастерам, в силу разных обстоятельств еще не сбежавшим из страны, находил достойные рамы и складывал у себя дома, собирая таким образом собственную коллекцию.

Уникальную!

Ибо были там Репин, Левитан и Шишкин, ранние натюрморты Серова, и Саврасов, и Суриков, да много чего было.

Он не прятал полотна по тайникам и схронам, лучше других на собственной практике зная, как быстро они находятся во время обысков, а свободно держал в квартире, правда, на стены не вывешивал.

Да, про жилплощадь.

Жить с Поленькой они продолжали в квартире Вершининых, только их все же «уплотнили», хотя великий мандат за подписью самого Ленина и здесь сыграл роль магического заклинания – отдать часть помещения им не приказали, а вежливо поинтересовались, не мешает ли товарищу Вершинину лишняя жилплощадь. И чтобы не нарваться и уживаться как-то с властями, Аким Лукич навестил наркома, отвечающего за расселение граждан своего района, предъявил ему мандат уполномоченного и «добровольно» предложил решить этот вопрос таким образом, чтобы он не вредил выполнению ответственной и секретной работы и чтобы товарищам, нуждающимся в жилье, помочь.

Решили. Вершининым оставили три комнаты из семи, а также туалет с ванной и большую кухню. А остальные четыре комнаты, с туалетом, душем и небольшим закутком дополнительной кухни с печкой, отделили для лучшей звукоизоляции «ответственного работника» капитальной перегородкой в два кирпича, которую за три дня соорудили присланные рабочие. На выделенной части расселили не одну, а сразу четыре семьи.

Хорошо хоть входы у них получились с разных сторон – в квартиру Вершининых с

парадного, а в отделенную часть, ставшую коммунальной, – с черного.

– Не сильно-то у них что изменилось, – заметила на это Поленька. – Как ходили одни с красного входа, а другие с черного, так и теперь ходят. Только лица поменялись.

В девятнадцатом году у Акима с Поленькой родился сын Петр, а в двадцать первом Акима Лукича назначили в особую комиссию, решавшую судьбу имевшихся ценностей, проводившую оценку и распределявшую их по заказчикам и музеям. Состояла эта комиссия из специалистов Эрмитажа, Исторического музея, Академии наук, в нее вошли и несколько хороших знакомых Вершинина.

В этой комиссии он и проработал несколько лет, а в двадцать шестом году был назначен руководителем одного из направлений в Гохране, а именно в отделение по русскому искусству.

Надо сказать, что в дневниках Акима Лукича начиная с двадцать пятого, и все более заметно к двадцать седьмому году, начинает меняться тон повествования, принимая частенько ироничный оттенок, хотя и тревожного в них тоже хватало. Но его сместила повальная страсть к сокращениям названий, устройство неисчислимых наркоматов всего чего не попадая, а вместе с тем звучало и восхищение народом, его стойкостью и здоровой психикой, не позволившей сойти с ума от кровавого месива Гражданской войны, от голода и миллионных смертей, от сиротства и нищеты, а взяться и упорно начать строить что-то новое, уникальное, свое.

Не правителями и новой властью восхищался он, нет, а именно народом, а еще новыми поэтами, писателями...

К сожалению, ах, к какому великому сожалению, Аким Лукич слишком рано погиб!

Этот неординарный человек, обладающий силой характера, волей, целеустремленностью, любовью к Отчизне и невероятнейшими знаниями, – как же до обидного мало он прожил!

Но это было неизбежно.

Он был слишком ярок для этой власти. Не ужились бы они.

Да что там не ужились, какое будущее время? Аким Лукич знал и видел, что все идет к его аресту, даже удивлялся, что поздновато, думал, что это произойдет раньше. Но погиб он так же неординарно, как и жил, умудрившись даже своей смертью защитить свою семью.

Всем, чем мог.

Тридцать второй год, ему сорок три. Поленька снова беременна, долгожданно и необычайно радостно, уж и не чаяли, Петеньке тринадцать лет, умнейший мальчик растет, с великой тягой к знаниям. Да не по отцовской профессии, все больше к инженерии всякого рода тяготеет, особо к моторным агрегатам, уже и разбирается кое в чем.

А в стране началась волна арестов. Пока не повально и почти незаметно, но борьба с засланными врагами и империалистическими наймитами стала раскручивать свой неумолимый маховик.

Аким все понимал. Не просто понимал, видел и предрекал усиление репрессий и, разумеется, осознавал неотвратимость того, что эта беда не минует и их с Полиной.

Да что там не минует! Они с ней первые в этой очереди – одни из лучших кандидатов: из «бывших», так еще у обоих родня за границей. Это уже приговор сам по себе! А он к тому же и свидетель для власти этой лишний – уж слишком многое видел, колеся по стране с летучим отрядом, и знал доподлинно слишком много того, за что уже полетели в небеса, а скорее, в преисподнюю, некоторые бывшие красные лихие командиры Гражданской, унося с

собой свои страшные знания и свою причастность к тому, как и на чем строилась эта новая власть. И никакие мандаты, подписанные Лениным, уже не спасут и не защитят.

Страшнее всего то, что Аким Лукич осознавал, какая участь ждет его любимую Поленьку и сына, когда его арестуют. Он каждую минуту только об этом думал и усиленно искал выход. Он перестал вести подробные записи в дневниках – так, только о рутинной работе и домашних делах, спрятав за болтовней свои истинные мысли, страхи, намерения.

Долго искать не пришлось – выход, страшный и неотвратимый, нашел себя сам.

Если вы думаете, что все эти повальные аресты тридцатых годов НКВД лишь прикрывали ширмой борьбы с иностранными агентами и шпионами, то вы сильно ошибаетесь. Были и агенты, и шпионы, действительно засланные и ведущие подрывную деятельность! Еще как были! И чего только не творили – и взрывали, и саботировали, и подкупали, и агитировали – все, как и положено.

Другое дело, что под эту статью попадали миллионы невинных советских людей, но это отдельная тема.

Михаил Золотарев, человек, который сделал Акиме Лукичу некое предложение, не был иностранным агентом. Когда-то они вместе учились в университете, никогда не дружили и даже не приятельствовало, просто были однокашниками. Теперь, волею судьбы, Михаил работал под руководством Вершинина в отделе русского искусства, а вот человек, который руководил и направлял этого Золотарева, – как раз и был самым что ни на есть иностранным агентом.

Сначала намеками, как бы прощупывая почву, однокашник начал все чаще говорить о своих родных за границей, об их бедственном положении, будто переживая о близких. Через пару дней вспомнил и о родителях Акима Лукича, спросив, не бедствуют ли те, и, получив ответ, что тот не поддерживает связь с родственниками, посетовал. А через денек радостным заговорщицким шепотом сообщил, что может устроить так, что Аким Лукич получит весточку от родителей.

Аким Лукич просек все его маневры и прощупывания в самом начале, когда Золотарев только начал искать возможности чаще оставаться с ним наедине. Понял, просчитал этого человека и принялся действовать, тут же придумав, как использовать ситуацию.

Первым делом, подключив все свои связи, знакомства и возможности, он подтвердил еще раз документально статус своей коллекции, как частной собственности. Вторым делом было обустройство жизни Поленьки и Петруши.

В двадцать шестом году Полина Георгиевна закончила исторический факультет университета, а вместе с ним и архивное отделение, став историком-архивистом, и поступила работать в Центральный архив, который тогда именовался Архив Октябрьской революции (АОР), а год назад стал именоваться Центральным архивом Октябрьской революции.

Снова обратившись к своим старым связям, Аким Лукич очень осторожно и осмотрительно поменял несколько тех самых золотых пластин и драгоценных камней, что купил у ювелира в семнадцатом году, на современные ассигнации и отдал их Поленьке с наказом тратить средства осмотрительно, но на нуждах и необходимостях житейских не экономить.

А она как чувствовала, что с ним что-то может случиться и старалась быть все время рядом и по сто раз тревожно спрашивала, что происходит. Он успокаивал, как мог, но и сам, по всей видимости, чувствовал, что надвигается нечто фатальное. Поэтому и пытался

подстраховать во всем жену, подолгу уединялся с сыном в кабинете и учил его жизни, наставлял на будущее и давал советы.

Аким Лукич ждал решительного разговора, к которому явно уже созрел его сослуживец, и собирался и Михаила, и агента, курировавшего его, сдать органам безопасности без всякого зазрения совести.

Вернее, зазрения эти у него были, но иного рода – он винил себя, что взял на работу этого гнилого человечка, поддавшись на уговоры одного их общего знакомого из прошлой жизни. Гнилым однокашник был всегда, и как только не убежал за границу в семнадцатом? Непонятно. Но не суть! Важно, что сейчас эта его «деятельность» по вербовке Аким Лукичу была как нельзя на руку.

Решительный разговор состоялся, подчиненный прошел в кабинет к Аким Лукичу, тщательно закрыл за собой дверь и предложил ему связь с родителями, а также возможность хорошо заработать, начав выносить некоторые художественные полотна и передавать их нужным людям. Через полгода, обещал бывший однокашник, Вершинина с семьей переправят через границу, и он получит возможность соединиться с родственниками.

– То есть вы предлагаете мне поторговать достоянием страны? – спокойно спросил Аким Лукич и тем же ровным тоном отказался. – Вынужден отклонить ваше предложение, я богатством России не торгую и вам не советую, – и строго распорядился: – Вот бумага и перо, пишите заявление об увольнении.

Золотарев перепугался страшно. Он понял, что неправильно просчитал бывшего однокашника, и только сейчас осознал до конца все последствия этой роковой ошибки. Кровь отхлынула у него от лица, руки затряслись, но он все же написал заявление и, ссутулившись, вышел из кабинета.

Аким Лукич составил заявление в органы, в котором подробно описал все разговоры с Золотаревым, а также дал описание внешности гражданина, которого дважды видел в компании Мишки. Один экземпляр заявления убрал в сейф, второй же положил в портфель, намереваясь сегодня же вечером отнести его в НКВД и начать свою игру.

Но он сделал фатальную ошибку – упустил время! Упустил время, дав таким образом возможность врагам перехватить инициативу! Ему надо было сразу же после разговора с Золотаревым звонить, вызывать органы или идти самому в Комитет, а он остался заканчивать дела. Уволенный Михаил сразу же покинул место теперь уже бывшей работы и побежал связываться с куратором. Ну а тот, в свою очередь, поняв, чем им грозит отказ Вершинина, да еще и сделанный в жесткой форме, предпринял некоторые шаги.

На Акима Лукича напали в подворотне, когда он вышел с работы, направляясь в сторону Лубянки. Ничего не говоря и не требуя, три тени окружили его, несколько раз пырнули ножом, забрали портфель и неслышно растворились в темноте.

На него почти сразу же наткнулся дворник и, засвистев в тревожный свисток, подозвал наряд милиции, проходивший неподалеку. А те вызвали «Скорую помощь». Аким Лукич был еще жив и в сознании и успел объяснить одному из милиционеров, кто он и зачем шел на Лубянку, что в его кабинете, в сейфе, лежит копия заявления с описанием возможного вражеского агента, которого он видел в компании своего подчиненного, и что следует действовать очень быстро. Срочно сообщить в органы!

Старший патруля оказался мужчиной неглупым, записал все, что сказал пострадавший, и тут же связался с комитетчиками.

Аким Лукич умер по дороге в больницу в карете «Скорой помощи».

Он все рассчитал правильно, кроме одного – не додумал, что агенты спецслужб могут быть столь оперативны, и погиб. Впрочем, большой вопрос – оставили бы его в покое, даже учитывая его прошлые заслуги и помощь в поимке иностранных агентов, энкавэдэшники и отпустила бы его система. Скорее всего, нет.

Но так или иначе, а благодаря показаниям и записям Вершинина комитетчики арестовали его бывшего подчиненного и накрыли целую агентурную сеть.

Акиму Лукичу воздали определенные почести, назвали героем и патриотом и наградили посмертно Знаком Почета и грамотой, только тихо, без помпы и освещения в прессе. Ну и положили половину его зарплаты в виде пенсионного пособия для родных, как для семьи погибшего героя. Его личное дело, которое уже велось, закрыли за гибелью объекта и невозможностью дальнейшей его разработки. Было принято решение семью не трогать.

Полина Георгиевна от горя потеряла ребенка и тяжело болела, не в силах смириться с такой двойной бедой. Стала безучастной к жизни, лежала молча, а если и заговаривала, то все только о любимом Акимушке, и все вспоминала, улыбаясь улыбкой, обращенной в прошлое, в глубь этих воспоминаний, и рассказывала сыну какие-то истории из их жизни, все безвозвратней погружаясь разумом в прошлое.

И пришлось тринадцатилетнему Пете брать на себя ответственность за их семью и жизнь. Каждое утро он теперь вставал пораньше, готовил завтрак на двоих, кое-как заставлял маму поесть, а потом отводил ее на работу и бежал в школу. Из школы торопился домой, готовил обед и шел забирать маму с работы, приводил домой, кормил, а после занимался уроками и домашними делами.

А мама так и лежала на диване, отвернувшись к стене, часами не двигалась и не разговаривала. Так продолжалось несколько месяцев, пока однажды, когда Петя вел маму за ручку на работу, на них едва не наехал автомобиль. Какой-то ошалевший водитель несся на немыслимой скорости и чуть не сбил Петю, успевшего в последний момент отскочить и дернуть за собой маму.

Петя сильно расшибся, поцарапав руку от кисти до локтя, ударился коленом и бедром. И в этот момент Полина Георгиевна словно очнулась от морока наведенного – кинулась к сыну, судорожно осматривая его, громко спрашивая, где у него болит. Тут же собрался народ, возмущенный происшествием, прибежал милиционер, который вызвал для мальчика карету «Скорой помощи» и записал показания.

Благодаря этому происшествию Полина Георгиевна вновь стала прежней, в одно мгновение осмыслив, что чуть не потеряла и сына и несет за него ответственность.

И жизнь потекла по-новому, скоро ставшему привычным укладу жизни их семьи, теперь без отца. Мама работала, Петя учился, увлекался моторами, машинами, ходил в технический кружок лет с восьми и на автослесарные курсы лет с десяти. К четырнадцати годам он знал до мельчайших подробностей устройство двигателя внутреннего сгорания и мог собрать и разобрать его с закрытыми глазами.

В тридцать шестом году Петр закончил с отличием школу и поступил в институт учиться на инженера.

А в тридцать седьмом арестовали Полину Георгиевну.

Вернее, не арестовали, а задержали – без обыска и реквизиции. Вызвали повесткой к следователю, и назад ни в тот день, ни на следующий она не вернулась. Петя пошел на Лубянку выяснять в чем дело, его погнали оттуда в какой-то следственный комитет, где туманно объяснили, что гражданка Вершинина задержана до выяснения обстоятельств.

Полину Георгиевну продержали неделю в общей камере, но отпустили, проведя как свидетеля по делам двух ее арестованных коллег.

Почему отпустили? Как вообще такое могло быть, это с ее-то «подмоченной» происхождением и родственниками за границей репутацией?! Не должны были, никак не должны были отпускать! Просто обязаны были закатать по пятьдесят восьмой статье лет на двадцать пять или до расстрела. Не отпускали таких, как она.

Может, спасло то, что те двое ее коллег, по чьим делам она проходила свидетелем, утверждали в своих показаниях, что Вершинина человек замкнутый, ни с кем из коллектива не имеет дружеских отношений, очень ответственно относится к своей работе и не допускает никаких, даже мельчайших отклонений от правил безопасности и регламента работы с документами.

А может, повлияло все же то, что Аким Лукич помог разоблачить агентов. А, может, ангел-хранитель такой сильный или сам ее любимый Акимушка за ней сверху присматривает и охраняет?

Неведомо. Да только отпустили. По великому счастью.

За всю свою жизнь Полина Георгиевна никогда больше не смотрела ни на одного мужчину с интересом, для нее Аким Лукич навсегда остался единственным.

Петя же, хорошо помнивший отца, его мудрые наставления и личный пример, по умолчанию принял на себя главенство в их маленькой семье и всю ответственность за житейские заботы.

Он учился блестяще. Еще на третьем курсе, увлекшись разработками новых двигателей и наукой, попал под крыло одного из ведущих ученых страны, взявшего его к себе в научную группу. Официальный руководитель всячески поощрял стремления молодого человека к учебе и развитию своего недюжего дарования.

Блестяще защитив дипломную работу и получив красный диплом, Петя сразу же поступил в аспирантуру, продолжая свою работу в группе профессора Полянского.

Это было в июне сорок первого года.

Вершинин одним из первых учеников Полянского получил бронь от призыва, но решил, что обязан пойти на фронт воевать с врагом, как учил его отец – всегда защищать Отечество. И пошел в военкомат записываться в добровольцы.

Хорошо, ему попался мудрый военком, который попер Петра из военкомата, отчитав напутственно: «А кто будет для армии и страны машины строить, танки новые придумывать и артиллерию? А? В герои собрался?! Ты вон на своем месте погеройствуй, так, чтобы стране пользу принести, а стрелять и без тебя есть кому!»

Выгнал, одним словом. За что ему великое спасибо и поклон до земли!

И Петя решил, что раз так, то действительно надо на своем месте биться за победу. И как-то он очень радикально это решил – практически поселившись в институте возле лабораторных стендов, появляясь дома два раза в неделю: помыться, переодеться и успокоить маму, что с ним все в порядке и он-таки что-то ест.

Так и прошло для него время войны – наука и работа, работа, работа – защитил кандидатскую между делом и спроектировал несколько уникальных разработок частей нового двигателя.

День Победы, девятого мая сорок пятого, они шумно встречали коллективом в институте – кричали, обнимались, целовались и плакали – у каждого, кроме Вершинина, кто-то погиб на фронте, в оккупацию, под бомбежками. В честь праздника Победы всех отпустили домой,

праздновать с родными. И когда вся Москва вышла на улицы смотреть торжественный салют, рядом с Петей и Полиной Георгиевной, стоявшими в большой толпе на самой высокой точке их района, откуда было замечательно видно салют, оказалась одна милая девушка.

Она не кричала «ура» вместе со всеми, а смотрела на взлетающие яркие шапки салюта, улыбалась, и по щекам ее безостановочно лились ручьями слезы, а выражение лица было странным – светлая радость и горе одновременно светились в ее глазах.

Петя несколько раз встречал эту девушку во дворе, даже один раз они почти столкнулись, когда он выходил, а она заходила в арку дома, он тогда отметил про себя, какая она милая и симпатичная, но... не до девушек ему в то время было – целиком посвящен только работе и науке.

А сейчас! Сейчас его словно озарило странное чувство полного, какого-то внутреннего узнавания и родства, и великой радости, как будто она была давно пропавшим близким человеком и вдруг нашлась. И это большое счастье, что нашлась!

– У вас кто-то погиб? – спросил он, наклонившись к ней, чтобы перекрыть радостный крик людей.

– Все, – выдохнула она, посмотрев на него своими удивительными глазами. – Родители и Нюша, младшая сестра, в сорок первом, в дом попала бомба, а они не успели в бомбоубежище. Я в госпитале на дежурстве была, мы тогда комсомольское шефство над ранеными всем классом взяли. А на старшего брата Максима в сорок третьем похоронка пришла, – и, глядя на Петра лучистыми, полными боли и радости глазами, совсем тихо добавила: – У меня никого нет.

– Есть, – вдруг твердо заявил Петя, взял в руку ее ладошку, осторожно сжал и повторил громче: – Есть, теперь у вас будем мы, – и посмотрел на маму, слышавшую весь их разговор.

А Полина Георгиевна кивнула, обняла девушку за плечи и спросила:

– Как вас зовут?

– Глафира, – ответила растерянно девушка, не отрываясь, словно замороженная глядя в лицо Пети. – Глафира Головкова.

– Вы где живете, Глашенька? – расспрашивала Полина Георгиевна.

– С одноклассницей бывшей, с ее семьей.

– Вот что, Глашенька, – распорядился Петр. – Идемте, соберем ваши вещи и перенесем к нам.

– Как – к вам? Так же нельзя? – поразила девушка.

– А как можно? – серьезно спросил он.

– Я же вас не знаю, – растолковывала она.

– Меня зовут Петр Акимович Вершинин, а это моя мама Полина Георгиевна. Теперь вы нас знаете, – и так же серьезно спросил: – Замуж за меня пойдете?

– Замуж? – ахнула она, совершенно растерявшись.

– Замуж, замуж, – кивнул он и вдруг улыбнулся: – Я очень удобный муж буду, Глашенька, меня почти не бывает дома. Так что, пойдете?

А она вдруг заплакала. Всерьез. Спрятала лицо в ладонях и заплакала.

Петр расстроился совершенно, оттого, что ему казалось, да что там казалось! Он был уверен, что она просто обязана почувствовать, так же как и он, это их родство и близость душевную, а она вот в слезы.

Испугалась, что ли? Потому и спросил недовольным, строгим тоном:

– Ну, что?

– Я пойду, пойду, – торопливо ответила она, вытирая слезы тыльной стороной ладони.

– Куда пойдете? – не понял Петя.

– Замуж, – удивилась она вопросу, подняла заплаканное лицо, посмотрела на Петра расширившимися от переживаний глазами и испугалась: – Или передумали?

– Ох, господи! – тягостно вздохнул Петр, привлек ее к себе, взяв за плечи, и обнял, уткнувшись подбородком ей в макушку.

На следующий день они пошли в загс, где Петра и Глашу записали мужем и женой.

Как рассказывала Глашенька, Петю она заметила сразу и выделила особо, как только увидела первый раз во дворе. Он тогда шел с сосредоточенным, задумчивым видом торопливым размашистым шагом и не замечал никого и ничего вокруг. Глаша расспросила семью, в которой жила, и соседей о нем, узнала, кто этот молодой человек, и про его папу ей рассказали, что он раскрыл целую сеть настоящих иностранных шпионов и его за это убили. Про это на похоронах Акима Лукича говорил торжественную речь майор из Комитета.

А когда они столкнулись в арке, Глаша так обрадовалась и надеялась, и ждала, что Петр заговорит с ней, поздоровается и... но он только улыбнулся и, извинившись, пошел дальше своей стремительной походкой.

Вот такая романтическая история.

В сорок девятом, в тридцать лет, Петр Акимович защитил докторскую диссертацию и поступил на работу в закрытый НИИ, где вошел в научную группу, разрабатывающую агрегаты и механизмы для атомной промышленности, тогда находившейся лишь в начале своего пути и ориентирующейся исключительно на военное направление.

Глафира Сергеевна, работавшая всю войну в госпитале, после замужества тем же летом поступила в университет на исторический факультет и, к невероятному счастью Полины Георгиевны, со специализацией по русской истории, пойдя таким образом по стопам Акима Лукича.

В сорок восьмом году у Пети с Глашей родился первенец – Васенька, замечательный, здоровый и умный мальчик.

В пятидесятом году Глаша окончила университет и поступила работать в Исторический музей. А в пятьдесят втором родилась дочка Алевтина.

Понятное дело, что никто дома не сидел, все работали: и Полина Георгиевна, и Глафира, не говоря уж про Петра Акимовича. Так что детки росли как у всех – в яслях и садиках, за исключением того, что первые месяцы после рождения Аленьки молодые родители нанимали няню.

В пятьдесят четвертом Глафиру Сергеевну повысили, и она стала начальником одного из отделов Исторического музея. Руководство предлагало ей параллельно заняться наукой, защитить диссертацию и вообще начать думать о своем карьерном росте, отмечая ее как талантливого молодого специалиста.

Но в пятьдесят пятом году Глафира родила третьего ребенка – сыночка Павлушу – и столкнулась с некой жизненной проблемой.

Петру Акимовичу было тридцать шесть лет, он невероятно много работал, считался одним из перспективнейших молодых ученых, к тому же был засекречен по самое горло, и семья его почти не видела. Но Глаша стала замечать, что муж, когда бывает дома, выглядит уставшим и не обихоженым каким-то: одежда мятая, сам измученный, осунувшийся. На все ее вопросы о самочувствии он махал рукой, отшучивался и говорил, что сейчас очень важный проект делают, вот закончат, тогда и отдохнет и даже к врачу сходит, раз она так настаивает...

Глафира Сергеевна крепко задумалась.

И приняла твердое решение – Петя и дети важнее всего! Вернее, по приоритетам чуть по-другому: Петя первым и самым главным пунктом, а дети уже после мужа.

Она позвонила человеку из Комитета госбезопасности, который курировал ученых Петинной лаборатории, и попросила его о разговоре.

Товарищ приехал сразу же после звонка, и она за чашкой чая, который предложила гостю, высказала ему все свои опасения по поводу здоровья мужа и того, что он отказывается обследоваться, а она подозревает у него начало тяжелой болезни. А еще сообщила, что намерена уволиться с работы и вплотную заниматься мужем, его здоровьем и устройством его быта таким образом, чтобы он мог полноценно отдыхать и трудиться. Ну и детьми, само собой.

Петра Акимовича в тот же день приказным порядком положили в ведомственную клинику на обследование, Глафире помогли уволиться за два дня с грамотами, поощрениями и в полном почете.

У Петра Акимовича нашли переутомление, небольшое истощение и гастрит.

Прочитанный на истории болезни диагноз послужил объявлением священного похода Глафиры Сергеевны за счастье и здоровье своего мужа. Набатов, можно сказать!

И на-ча-лось!

Теперь Петр питался исключительно правильно, а водителю, что его возил, вручался набор термосков с обедом и полдником для Петра Акимовича. В обязанности секретаря входил подогрев обеда и отслеживание, чтобы начальник обязательно вовремя поел. Если тот отнекивался или обещал, что поест потом, в ход шли угрозы пожаловаться Глафире Сергеевне.

Разумеется, в институте имелась прекрасная столовая, но, проверив ее меню, опять-таки через секретаря Вершинина, Глафира категорически решила, что ее муж будет есть только домашнее.

Петр Акимович подтрунивал над женой, над этим ее энтузиазмом и чрезмерной, хлопотливой заботой, но в глубине души был доволен и просто таял, как масло на солнце, от ее опеки и любви.

Его великий наставник и учитель профессор Полянский сказал как-то Петру в доверительной беседе:

– Запомните, Петя, чтобы ученый мог долго и плодотворно работать, помимо таланта, гениальности, трудолюбия, бесконечной работоспособности и упорства, ему прямо-таки жизненно необходимы две вещи. Первое – это обязательно заниматься каким-нибудь спортом, хотя бы зарядкой по утрам и ходьбой при любой возможности. Любыми активными нагрузками в свободное время. Потому как, увы, «чугунную поясницу» в науке никто не отменял и ученому приходится штудировать массу научной литературы, а нам с вами еще и часами стоять у кульмана, разбираясь в чертежах, или у стенда, тестируя модели. Поэтому движение для ученого чрезвычайно важно! И второе, – тут он поднял вверх указательный палец левой руки, подчеркивая особенный статус момента, – может, и самое важное из всего перечисленного: надо иметь правильную жену! У ученого должна наличествовать жена определенного склада характера, в полном понимании этого определения: настоящая жена ученого, которая возьмет на себя всю вашу жизнь и при этом будет неукоснительно следить за вашим здоровьем, вашим отдыхом и распорядком, и устроит вашу жизнь таким образом, чтобы вы как можно больше могли отдаваться своей работе.

– Дак такая жена каждому нужна, – посмеялся тогда Петя.

– Не каждому, – возразил мудро профессор.

А сейчас, много лет спустя, Петр Акимович частенько вспоминал тот давний разговор, глядя на свою Глашеньку, любовался ею и отмечал все, что она делает для него, для детей, и чувствовал устойчивую радость и тепло от той домашней устроенности, уюта, которым она окутала его и семью. И улыбался, думая, что он-то как раз нашел настоящую жену ученого. В полном смысле этого слова.

Дом блестел от чердака до подвала, дети присмотрены, заняты развивающими интеллектуальными играми, обихожены и постоянно под зорким оком матери. Петр Акимович одет с иголочки у лучших портных Москвы и носит обувь, сшитую на заказ, белоснежные рубашки ручной работы стопками, в том числе и в шкафу его рабочего кабинета, как и носки, галстуки и накрахмаленные носовые платки на всякий случай.

Мама Петра Акимовича Полина Георгиевна на пенсию не вышла, а так и продолжала работать в Центральном архиве, а все хозяйство и быт семьи взяла на себя Глафира Сергеевна и вела его с таким блеском и так тонко, талантливо, но твердой уверенной рукой, что очень скоро их дом стал центром притяжения всех друзей, коллег и учеников Петра Акимовича, а иже с ними и их семей.

Да, про дом надо рассказать отдельно.

Еще в тридцатых годах научным работникам университета, в котором учился Петр Акимович, правительство выделило в поселке земли для дачного строительства. Профессор Полянский также имел в том поселке дачу, на которую не раз приезжал Петя, еще будучи студентом.

Вот как-то они прогуливались по поселку – профессор и приехавшие к нему студенты, и проходили мимо большого участка, окруженного покосившимся забором, за которым сиротливо торчал небольшой и явно нежилой, тихо ветшающий и разваливающийся домик.

Петя поинтересовался, кто здесь живет, и профессор поведал, что участок достался одному доценту, но не понравился ему. Кое-как выстроив временное строение, доцент побывал здесь пару раз, да так и забросил дачу, посчитав себя обиженным коллегами, обделившими его в раздаче участков.

– А что в нем не так, в этом участке? – любопытствовал Петя Вершинин.

– Он крайний на этой линии и, видите, заканчивается неким клином, за которым сразу начинается лес, – принялся охотно пояснять профессор. – И поэтому оказался очень большим, аж двадцать пять соток. Разделить его на два стандартных нареза не получается. Один кусок остается слишком малым. Да и то, что он крайний, у самого леса, не всем нравится.

– А мне вот нравится, – заглядывая через забор, заметил Петр. – Я бы хотел, чтобы у меня был такой участок, и дом бы на нем построил, – мечтательно размышлял он.

– А знаете, Петя, – задумчиво протянул профессор, – мы ведь вполне можем это устроить.

– Как это? – растерялся Вершинин. – Я ж не научный работник института.

– Ну, во-первых, вы обязательно им станете в скором времени, а во-вторых, я являюсь одним из членов правления этого поселка, почетным гусем, так сказать, а вы вполне официально работаете в научной лаборатории. Можно попробовать, – и тут же резко спросил: – Или это так, мечты пустые вы высказали?

– Конкретные мечты, – улыбнулся Петя.

И таки стал владельцем этого участка.

Правда, ему пришлось заплатить некоторые деньги, поскольку он все же еще не являлся научным работником университета. Но деньги остались от отца, а в документе они их с мамой указали как накопленную пенсию за Акима Лукича, что они получали все эти годы.

Они приезжали в поселок на свой участок сначала с мамой и Петиными друзьями, потом и с Глафирой – места тут дивные: небольшой подлесок сразу за участком постепенно переходит в хвойный густой лес, грибной да ягодный, а справа за холмами течет речка, небольшая, но глубокая и очень быстрая, с омугами и замечательным клевом, с карасями, щуками и плотвой. А за поселком луга и далекое село.

Красота, что ни говори.

Да вот только дома на участке у них долгие годы не было – учеба, война. А в сорок шестом году на одной научной конференции Петр Акимович познакомился с интереснейшим человеком, молодым талантливым архитектором Наумом Викторовичем Ахтарцевым. И так они понравились друг другу, что Петр тут же пригласил Ахтарцева в гости, познакомил с мамой и женой, и вскоре они по-настоящему сдружились.

Как-то в разговоре Петр вспомнил, к слову, про свой участок, Наум Викторович живо им заинтересовался и потребовал показать. А посмотрев, предложил спроектировать и выстроить здесь дом. Вершинины замаялись – средства на дом требуются особые, это ж понятно. Что-то, конечно, осталось, но хватит ли на строительство? И к тому же... как бы это потоньше объяснить? Петя все же еще не профессор, а только кандидат наук, и таких денег на возведение дома у него по определению не может еще быть, а откуда они вдруг взялись у молодого ученого, вполне могут заинтересоваться определенные товарищи.

– А мы не будем спешить, – улыбнулся озорной и очень светлой улыбкой Наум Викторович.

Когда Петя с Глашей и Полиной Георгиевной увидели проект дома, то ахнули от восторга, настолько он совпадал с их видением домашности, уюта и родного гнезда, что только диву даваться. А Наум посмеивался, глядя, как горят их глаза.

Так начал строиться дом. Первым делом после закладки фундамента рабочие возвели большую центральную комнату – будущую основную гостиную. А еще сделали летнюю кухню с настоящей печью под капитальным навесом, врыли рядом большой деревянный стол с лавками и в дальнем углу сада поставили туалет конструкции «дырка». Несколько лет Вершинины и их друзья приезжали на этот участок и пользовались домом как дачей по выходным и праздникам, всей компанией укладываясь спать в гостиной, кто на раскладушках, а кто и прямо на полу, а кто и вовсе со своими палатками на участке располагался.

А дом возводился вокруг этой центральной комнаты целых пять лет. Да строился хитро, с тайной. Дело в том, что возводить капитальные строения в те годы в таких вот ведомственных поселках разрешалось только исключительным людям по особому распоряжению, а всем остальным – будьте любезны дачные домики.

Но Наум Ахтарцев придумал для друзей настоящий капитальный дом со всеми коммуникациями, удобствами, серьезный, продуманный до мелочей, на века и... стилизовал его под легкое дачное строение.

В результате получилась совершенно уникальная усадьба – три этажа нестандартной планировки и чердак под крышей. Этот дом вышел таким удобным, теплым, живым, дышащим, завораживающим, что, попадая в него, не хотелось выходить вообще – такой

добрый дух поселился в нем.

Весной пятьдесят третьего года семья въехала в полностью законченный, обставленный и устроенный к жизни дом и решила, что станет обустроить в нем «родовое гнездо». Уйдя с работы и взяв хозяйство в свои руки, Глафира Сергеевна наладила сам дом и жизнь в нем так, что он стал центром мироздания всей семьи и притяжения для многочисленных знакомых и друзей. К тому же долгие годы у Вершининых работала великолепная кухарка и домработница Антонина Игоревна, которая совершенно потрясаяще готовила.

Жизнь шла, Петр Акимович стал профессором, работал в закрытом НИИ и преподавал в институте, дети подросли, обзавелись своими семьями.

Старший сын Петра Акимовича и Глафиры Сергеевны Василий не пошел по стопам ни отца, ни деда, а стал врачом-терапевтом. В семьдесят третьем году женился на девушке Валентине, тоже докторе, с которой вместе проходил интернатуру.

В семьдесят пятом году у них родился первый сын Виталий, а в семьдесят восьмом, через три года, – Константин.

Дочь Алевтина стала журналистом, закончив журфак, и вышла замуж за литературного критика Андрея Крапивина. В семьдесят пятом у них родилась дочь Марина, а через девять лет сын Игорь.

А вот младший сын Петра Акимовича и Глафиры Сергеевны, Павел, отца порадовал – пошел по тому же направлению, что и отец, – окончил тот же университет по специальности атомное машиностроение и двинул в науку, поступив в аспирантуру. В двадцать три женился на Лизоньке Вороновой, милой девушке, двоюродной сестре одного своего друга, учившейся в педагогическом институте.

В семьдесят девятом году у них родился сынишка – Григорий Павлович. К сожалению, больше детей у четы не случилось по здоровью Елизаветы Викторовны.

Так что у старших Вершининых народилось пятеро внуков.

В восемьдесят шестом году, в возрасте восьмидесяти семи лет, мирно и тихо во сне скончалась Полина Григорьевна, успевшая понянчить и поучаствовать в воспитании всех своих троих внучат и пятерых правнуков.

А в девяностом скоропостижно и совершенно неожиданно умер старший сын Петра Акимовича и Глафиры Сергеевны Василий, от оторвавшегося тромба – в одно мгновение схватился за сердце, ойкнул громко от боли, и все, нет человека.

Петр Акимович давно уж стал академиком РАН, преподавал и все так же много работал. К его тайному сожалению, которое он никогда не выказывал, не все его надежды оправдал младший сын. Нет, Павел, без сомнения, был способным и большой умницей, и крепким ученым, далеко не середнячком в науке, но такого яркого таланта, как у отца, не имел, да и сильных амбиций ученого тоже. А вот его сынок Гриша стал нескончаемой радостью и той самой светлой надеждой Петра Акимовича – весь в него пошел!

Весь!

Инженерное мышление и тяга к механизмам проявилась у Гриши еще в младенчестве – постоянно возле отца в выходные крутился, когда тот что-то делал в мастерской, и все-то ребенку было нужно и любопытно, и каждую ж детальку порассматривает, поковыряет. А уж как дед с отцом этот интерес заприметили, так и направлять принялись. Вот таким образом и вышло, что лет с восьми пацан и в моторах ковырялся, и разбирался в механизмах всяких. Лет в тринадцать мог с закрытыми глазами разобрать и собрать движок «Жигулей». Ну, и понятно, дальше – больше, под руководством деда и отца.

Вот на кого возлагал надежды Петр Акимович – в Грише он видел самого себя и надеялся, что тот пойдет еще дальше в науке, чем он сам... И, разумеется, Григорий стал самым любимым чадом, что Петр Акимович не особо-то и скрывал, но старался не сильно афишировать, чтобы не обижать других внуков.

Гришка же...

А что Гришка? Его жизнь была настолько увлекательно-насыщенной, настолько наполненной и радостной, что он жил с постоянным ощущением праздника и подъема душевного. Он обожал все, что было связано с механикой, машиностроением, автоматизацией и инженерией в целом, мог часами сидеть и разбирать какой-нибудь мотор. Обожал, когда отец или дед водили его в институтские мастерские на свою работу, разумеется, в те, куда ему давали допуск.

Грише нравилось учиться в школе, где он пользовался определенным авторитетом, нравилось влюбляться в девчонок, которые томно вздыхали по нему, и срывать у них робкие неумелые поцелуи, он крепко дружил с Генкой Веселовым и Юркой Березиным, с которыми они вместе такие придумывали и осуществляли «приколы» и шуточки, которые запоминались надолго и вносились в летописи школы и двора. А все благодаря Гришину таланту механика и буйной, неумемной фантазии.

Например, в третьем классе он предложил запустить в космос соседскую кошку Анфису, пообещав несчастной, что та прославится, как собаки-космонавты. Кошка перспективы не оценила и все норовила сбежать, чуя в этих пацанах угрозу. Но таки попала под эксперимент.

Для начала Гриша как правильный сын, гордость отца, подошел к Павлу Петровичу и спросил его, как устроен ракетный двигатель и что надо для того, чтобы ракета взлетела. Обрадованный и воодушевленный неумемной тягой сынка к знаниям, Павел Петрович достал учебник, в котором было дано описание простейшего ракетного двигателя и чертеж в разрезе, и подробно объяснил сыночку, как именно это работает.

– Ага, – кивнул усвоивший основные действия сметливый сынок и удалился, ободренный новыми знаниями.

И соорудил самый примитивный реактивный двигатель из некоторых деталей разобранных моторчиков и агрегатов, имевшихся в мастерской отца в их гараже в большом количестве и ассортименте, в качестве топлива использовал керосин, которого где-то Юрка смог достать аж целый бидон, из листа железа сколотил корпус ракеты, даже нечто вроде скафандра для животины из маминого старого плаща сшили с пацанами.

Ну и запустили. Стартовала ракета знатно – с таким отчаянным грохотом и дымом, что сбежался весь дом, решив, что начался артобстрел. Надо отдать должное – ракета в воздух поднялась аж на пять метров под истерический вопль несчастной кошки, взрыв из «сопла» столбов дыма и огня и громкий отборный мат соседа дяди Коли.

Наказание, ясный пень, последовало, да еще какое! Для всех троих, разумеется. Но «изобретателю» досталось больше остальных, как и положено за творческую инициативу.

А по завершении наказания дед Петр посадил внука напротив и потребовал начертить придуманный им агрегат, рассказать принцип его работы, а потом долго разбирал с внуком, какие ошибки тот допустил при конструировании машины.

Папенька же после того случая стал куда как более осмотрительным и на любой вопрос сынули о техническом устройстве того или иного агрегата, заданный с горячей невинностью юного исследователя, прежде чем что-то разъяснить, долго выяснял, с какой целью сынок интересуется данным вопросом. Но после уверения в чистоте высокой цели – познания и

исследования, сдавался и подробнейшим образом объяснял все Григорию... И попадал на этом желании развивать и поощрять сына не один раз!..

Потому как были еще в биографии его неумного сына и его друзей и робот-курильщик для химички, выскочивший из ее подсобки, и спуск на скоростной лебедке с крыши школы, и самодвижущиеся по коридорам учебного учреждения лыжи, взрыв в физической лаборатории, автоматический фотоаппарат, пристроенный на платформе с моторчиком, который беззвучно подъехал к Машке Коньковой и Светке Насоновой, когда они пялились в окно, и снимал вид обеих снизу, четко выявив на фотках розовые трусики одной и беленькие на другой.

Да, чего только не выдумывал этот «Кулибин» и чего только не вытворяли они с пацанами! А сколько дрались и со старшеклассниками, и с дворовыми, и с беспредельщиками, но это попозже, когда уж постарше стали, в девяностых годах.

Ну, а в «родовом гнезде» Гришу ждали поселковые друзья, тоже не стайка «ботаников», да и Генка с Юркой пропадали тут с ним порой целое лето, и ждали интересные занятия с дедом в мастерской, пристроенной возле большого гаража на участке, и безумно увлекательные разговоры с Петром Акимовичем.

И так получилось, что из троих двоюродных братьев и сестры Гриша по-настоящему дружил только с Костиком.

Дело в том, что родной брат Кости Виталий и их двоюродная сестра Марина были старше Гриши на четыре года, у них имелись свои друзья и интересы. А Игорь, родной брат Марины, был младше Григория на пять лет. Так вот и вышла естественная дружба с Костей, с которым они делили самую маленькую комнату на третьем этаже усадьбы, да и у Костика обнаружилась тяга к физике, что тоже делало их общение интересным и насыщенным.

Деда Петра Григорий обожал. Считал его самым крутым авторитетом и великим ученым и старался во всем ему подражать. Хотя, разумеется, не всегда его слушал и спорил, бывало, упрямо по-мальчишески доказывая свою точку зрения, но в этом имелся особый шик, особый стиль их дружбы – дед никогда не отвергал с ходу мнение внука, а предлагал доказывать свою правоту фактами и сделанными выводами, вступать в полемику, учиться аргументировать и отстаивать свое мнение.

А не менее обожаемая бабуля Глаша приходила и прекращала их жаркие научные дискуссии, громко выпроваживая на обед или полдник.

Все, что было связано с этим домом, участком и поселком, составляло для Григория нечто светлое и в чем-то, наверное, основное в жизни. С самого своего рождения он чувствовал себя совершенно защищенным в этом доме, в центре силы их семейства, ощущал себя частью некоего клана, большой любящей семьи, которая всегда за тобой, как стена. Сама суть его существования в детстве и юношестве основывалась на счастье познания увлекательнейшего мира науки и жизни, на ощущении радости и полноты жизни, на чувстве абсолютной защищенности и большой семейственности, на основе бесконечной свободы и любви.

Здесь, в «родовом гнезде», в огромной степени закладывался его характер еще с колыбели, здесь были первые победы и поражения, первые испытания и первая влюбленность, здесь в пятнадцать лет состоялся его первый сексуальный опыт, который продлился все лето с заезжей девочкой.

Здесь был свой счастливый мир! Который рухнул в один момент!

Жестко, страшно и безысходно.

Окончив университет с красным дипломом, Григорий поступил в аспирантуру и одновременно на третий курс еще одного факультета по иному инженерному профилю. В двадцать четыре года, по окончании аспирантуры и получив второе образование, Гриша поступил на работу в исследовательскую группу Петра Акимовича. Дед уже не руководил научной группой, в силу возраста передав дела преемнику, но все еще трудился в своем НИИ в должности главного консультанта с довольно обширными полномочиями.

Вот там и начал работать Григорий, решив не идти в другую научную группу, по параллельному исследованию, в которой трудился его отец Павел Петрович.

Проработал Григорий так год... и собрался уходить, наплевав на почти готовую кандидатскую.

Бесповоротно! Как отрезал.

Решение он принял и даже осуществил, подписав заявление у начальства, с которым они договорились, что деду Гриша скажет об этом решении через пару дней сам и никто из лаборатории Петру Акимовичу не проболтается.

Для этого имелась весьма веская причина – Петру Акимовичу исполнялось восемьдесят пять лет, и это событие собирались праздновать с большой помпой и размахом. Готовились к юбилейному торжеству и коллектив, и начальство НИИ, само собой разумеется, готовилась и вся семья под руководством Глафиры Сергеевны.

Накануне юбилея Петр Акимович был в Кремле, где из рук самого Президента получил высокую награду за вклад в отечественную науку. Сам юбилей выпадал на субботу, но, невзирая на выходной день, Петр Акимович отправился в НИИ, где специально ради него собрались люди, в том числе некоторые академики РАН и важное начальство из правительства.

Чествование прошло на самом высоком уровне, присутствовали и Павел Петрович с Гришей, поскольку являлись членами коллектива. После официальной части состоялся фуршет, скромный по причине того, что основной грандиозный обед планировался в «родовом гнезде» и большая часть присутствовавших в НИИ были на него приглашены.

Григорий же на фуршет не остался, а уехал сразу же после торжественной части. Выполняя ответственное поручение женщин, он заехал в ресторан, где были заказаны какие-то закуски, и выступил в роли перевозчика, доставив ценный груз в поселок.

А в «родовом гнезде» уже начали постепенно собираться гости, хотя до часа «икс», то бишь званого обеда, оставалось еще довольно прилично времени. Понятно, что семья целиком была в сборе, занимаясь последними приготовлениями, а вот гостей постепенно все прибавлялось, и Григорию поручили руководить парковкой подъезжающих машин.

Он прошел на веранду, чтобы выпить холодного морса, который женщины специально вынесли на стол в нескольких больших кувшинах, выставив рядом подносы с чистыми стаканами, чтобы любой мог утолить жажду – парило всюю.

Гриша с удовольствием потягивал холодный кисло-сладкий напиток, когда на участок въехала персональная машина, возившая деда, из которой вышел Петр Акимович с весьма недовольным выражением лица. Походя улыбаясь и кивая поспешившим поприветствовать его гостям, он целеустремленно направился к дому.

Григорий одним махом допил морс, отставил стакан на стол и поспешил навстречу деду.

Петр Акимович поднялся по ступенькам на веранду и, заметив внука, строгим холодным тоном сообщил:

– Вот вас мне и надо, молодой человек, – и, протянув указующим жестом вперед руку,

потребовал: – Пройдемте в кабинет!

«Заложил кто-то, верняк! – сразу понял Григорий. – Вот ведь суки, просил же не говорить деду! Степанов наверняка, гаденьш завистливый!»

Он безропотно проследовал за дедом, глядя в его напряженную прямую спину.

– Петенька, что случилось?.. – поспешила навстречу мужу обеспокоенная Глафира Сергеевна.

– Глашенька, мне надо поговорить с Гришей, пусть нам не мешают, – смягчив тон, попросил академик и стремительно прошествовал дальше.

Войдя в кабинет, Петр Акимович не сел за стол в свое знаменитое кресло, а остановился посередине комнаты и развернулся к внуку, что говорило о высшей степени его негодования. Григорий вошел следом и плотно закрыл за собой дверь.

– Потрудитесь объяснить свой поступок, молодой человек! – громко потребовал Петр Акимович.

Григорий тяжело вздохнул, засунул руки в карманы.

– Я так понимаю, что тебе донесли про мое увольнение, – скорее утверждал, а не спрашивал он. – Кто? Степанов подсуетился?

– Неважно, кто! – гремел дед. – Важно, что это сделал не ты! И, главное, что, принимая бредовое решение уйти из научного центра, ты даже не соизволил поговорить со мной!

– Да потому что знал, что ты будешь против! – повысил голос в ответ Григорий. – И знал, как ты будешь переживать!

Он в сердцах протопал к окну и уставился невидящим взглядом вдаль, переплетая на груди руки.

– Потрудись все же объяснить мне мотивы твоего решения! – потребовал Петр Акимович и таки сел, но не в кресло за стол, а на небольшой диванчик у кофейного столика.

Григорий постоял еще несколько секунд, глядя в окно, потом тяжело вздохнул, медленно развернулся, сел на край подоконника и заговорил о выстраданном, о чем думал и размышлял бесконечно долгими часами и днями.

– Я понял, что наука в чистом виде это не мое, – начал несколько устало он и вдруг завелся, повысил голос и начал убеждать: – Понимаешь, дед, чувствую, что я больше прикладник, чем ученый, мне интересней придумывать и руками делать, самому, а не гонять бесконечно на стендах макеты, не сидеть в закрытом пространстве и что-то там изобретать по расписанию или делать вид, что изобретаешь. Я прикладник и инженер-универсал, мне узко в ограниченных рамках одного направления. И вообще...

– Ничто не мешает тебе работать над собственными проектами, двигать свои аппараты и идеи, – перебил Петр Акимович. – В институте создана прекрасная база как раз для таких, как ты, молодых ученых. Изобретать и внедрять свои механизмы вполне реально.

– Ну, дед, о чем мы говорим?! – завелся пуще прежнего Григорий и порывисто оттолкнулся от подоконника и вышел в центр комнаты, встав перед дедом. – Какая наука?! Какие молодые ученые?! Тебе лучше, чем кому бы то ни было, известно, в каком состоянии у нас наука! Быть ученым в нашей стране дело неблагодарное и очень, очень тяжелое! Любое изобретение практически невозможно запатентовать! Каждый патент надо пробивать самому, лбом и упорством. Обегать кучу инстанций, самому сделать работу, которую обязаны делать патентщики – завизировать и оформить чертежи и описание. Самому же лично отнести в патентное бюро, ибо присылать невозможно! – заводился все больше и больше он, повышая голос и начав жестикулировать в поддержку своей речи. – И это еще не все!

Хорошо, скажем, взяли в патентном бюро его документацию, так они передадут материалы в Роспатент, который может запросто, не объясняя ничего, отклонить запрос на изобретение и патент или потребовать предъявить экспериментальный образец. А где молодой ученый и как может сварганить этот хренов экспериментальный образец, если это, скажем, турбина или агрегат какой?! И это еще не все! Если ученый сделал свои открытия и разработки на оборудовании полугосударственных НИИ, да даже и государственных, то любое начальство запросто может присвоить его открытие себе, потому как делалось оно, считай, коллективно, коль на нашем оборудовании! И все это знают и обворовывают пацанов за милую душу!! Это практически законно! И вот они-то получают патенты легко и мгновенно, потому что у них статус и связи в том же Роспатенте! Даже ладно! – шумел Григорий, вышагивая по кабинету туда-сюда. – Ладно, взяли, скажем, на рассмотрение его проект, так его могут годами рассматривать, по пять лет, когда изобретение уже устареет морально и технически! И куда деваться ученому?! – возроптал он и, ерничая, сам же ответил: – А есть у нас такая штука, Международное патентное бюро! О, классно! Только там, чтобы подать заявку, надо заплатить двадцать тысяч евро! Клево! А у него зарплата, хорошо, если двадцать тысяч рублей! И куда деваются все разработки тех самых наших молодых ученых?! Правильно, скупаются за копейки иностранными агентами. И уже тысячи наших, российских разработок выпускаются в Европе и в Америке, а мы за них благополучно платим валютой, покупая для своих же нужд!! Нам ведь своего добра не надо, зачем?! Зачем мы будем для страны зарабатывать и двигать науку? У нас же как в девяностые с этого гребаного фонда Сороса начался отток и побег молодых ученых, так его и дальше замечательно подталкивают и провоцируют дельцы от науки!! Мне это все неинтересно, дед! Я не хочу долбиться лбом в чиновничью стену за любую придуманную мной гайку, я не хочу сидеть на одном месте и делать годами одну и ту же деталь в разных вариантах для великого двигателя!!

– Да, наука в упадке, никто не спорит! – завелся в ответ Петр Акимович и поднялся с дивана. – Но кто же ее поднимать будет, как не вы, молодые?! – гремел он возмущенно гневным голосом. – А если вы все разбежитесь, что с нашей наукой будет?!

– Да то и будет, что и сейчас?! – гремел в ответ Гришка. – Хреново будет, и долго еще хреново будет!! Ученые они, конечно, безбашенные парни и готовы за кусок хлеба работать и творить, если им дадут, но у них семьи есть, дети, и патриотизм в такой ситуации как-то на второй план отступает, когда ученый вкалывает по двадцать часов, а апельсины детям купить не может!! Вот где ваша наука!! Оттого и бегут за кордон, оттого и торгуют своими идеями за копейки, как шлюхи!! – И прокричал в сердцах: – А я не побегу!! Я здесь, в стране, останусь и попробую руками что-то для нее делать, руками и головой, но в реальности, не за стенами лабораторий и не пойми с каким результатом, а делом!!

– То есть, как я понимаю, – громко отчитывал его Петр Акимович, – все, чем ты занимался эти годы, все, чего ты достиг, свой талант, дарование, ты сливаешь в помойку и собираешься инженером в каком-нибудь жэке работать?! Руками!! А наука теперь тебе побоку?! – повысил еще больше голос он.

– Да не побоку?! – шумел в ответ Григорий. – И исследования продолжу, и свой проект доделаю, и периодичку не отодвину и буду участвовать в научном процессе, только параллельно с делом, с делом!

– Я ужасно разочарован, внук! – вдруг ровным тоном заявил Петр Акимович. – Не ожидал в тебе такой слабости и глупости. Столько достигь, иметь блестящее дарование,

талант, подавать огромные надежды, и все бросить в один момент по глупой прихоти, – и он тяжело покачал головой. – Не понимаю.

– Это ужасно, дед, что ты меня не понимаешь, – с искренней грустью сказал Григорий. – Я надеялся, что ты меня поддержишь и поймешь. Ну, хоть попробуешь.

– Я попробую, но не сейчас. Сейчас я ужасно расстроен, – ответил устало Петр Акимович и распорядился: – Иди.

И Григорий выскочил из его кабинета, как наказанный незаслуженно и обиженный мальчишка, и, стремительно пронесся через весь дом, вышел на участок, сел в родительскую машину, завел мотор и, развернувшись с возмущенным визгом шин, уехал.

Он все же старался сдерживать себя и осторожно проехал по поселку, но когда выехал на дорогу к трассе, уж тут дал себе волю и притопил педаль газа. Григорий чувствовал, как в груди клокочет почти детская горькая обида и злые слезы подкатывают к горлу.

Кто угодно, только не дед!!

Пусть не поймут все вокруг, пусть что угодно говорят и думают, пусть даже отец не поймет, но только не дед!! Он был уверен, что когда объяснит свои мотивы и желания Петру Акимовичу, изложит последовательно и обоснованно, тот поймет его и поддержит!! Уверен был!

«А я изложил свои мотивы? – вдруг подумалось Григорию. – Я привел весомые аргументы? Я объяснил, что именно меня гнетет и не устраивает и чего мне хочется на самом деле?»

И вдруг отчетливо понял, что он просто кричал, сетовал на положение науки в стране, высказывая возмущение. А о своих выстраданных личных мотивах и желаниях, потребностях реализации таланта никаких аргументов не привел. Получалось, что все, о чем он кричал деду, выглядело так, словно он жалуется, что не может легко и просто получать патенты на изобретения и поэтому уходит из науки. А еще «назло кондуктору пойду пешком!» – мол, из страны не уеду, но и здесь наукой из принципа заниматься не буду!

Так, что ли?

Получается, что так! Хреново получается.

Вершинин скинул газ, медленно подрулил к обочине, остановил машину и, задумавшись, откинулся на спинку кресла.

Первый раз в жизни они так поспорили. Григорий бездарно и непродуктивно что-то доказывал и ужасно расстроил деда.

Не, он так не хочет! Надо помириться и попробовать объяснить все спокойно и обоснованно, так, как это видится ему самому, как всегда учил его дед.

И, развернув машину, Григорий поехал назад.

Он вбежал в дом, первой встретив бабулю, которая шлепнула его накрахмаленной столовой салфеткой, что держала в руке:

– Вы что тут устроили с дедом, а? Что за крик на всю усадьбу? Все гости прослушали скандал в благородном семействе! Позор! – и шлепнула символически еще раз, посмеиваясь и явно глубоко игнорируя любые скандалы и ничуть не смущаясь гостей, услышавших их. – У Петра Акимовича юбилей, а ты такое устраиваешь!

– Все, бабуль. – Он схватил ее в охапку и чмокнул в щечку. – Бегу исправляться и извиняться! – и спросил: – Дед где?

– В кабинете, – пояснила она. – Выходил ненадолго, угрюмый, расстроенный. Поговорил с твоим отцом, потом с Виталием его фирменный кофе попили, и вроде чуть подуспокоился.

Но ушел обратно в кабинет.

Григорий стучаться не стал, а решительно распахнул дверь и вошел в кабинет в Петру Акимовичу.

– Дед, прости! – с порога повинулся он. – Я наговорил тут тебе всякой фигни, вместо того чтобы спокойно поговорить и объяснить свою позицию, свое решение.

– Ты тоже извини, внук, – поднялся ему навстречу из кресла Петр Акимович. – Я тоже кричать взялся, обвинять.

Григорий сделал два больших шага деду навстречу, и они обнялись, постояли так какое-то время, а потом Гришка, у которого снова подкатил к горлу какой-то комок, вдруг сказал:

– Дед, я тебя люблю. Ты самый замечательный дед на свете. Самый лучший.

А Петр Акимович прослезился, не удержался, как Гриша, и, чуть отстранившись от внука, заглянул ему в лицо и признался в ответ:

– Я тоже тебя люблю, внук. Очень люблю. Оттого и переживаю, и расстраиваюсь безмерно.

– Я понимаю, – кивнул Григорий.

– Ну, ладно, – решительно отстранился от него Петр Акимович, смахнув ладонью выступившие слезы, и предложил деловым тоном: – Давай-ка сядем, а ты обоснуешь свое решение и постарайся убедить меня в своей правоте.

– Давай, – улыбаясь, согласился Григорий.

И он попробовал спокойно объяснить то, что угнетало его, заставляя размышлять и искать свое место в науке, в жизни. О чем он размышлял напряженно ночами, не в силах заснуть.

– Понимаешь, дед, последние несколько лет я все чаще стал ловить себя на мысли, что меня, как барана, загоняют в узкие рамки, в некий коридор, и приказывают по нему идти: вот сказано туда, туда и двигайся и даже не думай куда-то сворачивать, получишь токком по башке. Чем больше я анализирую, пытаюсь разобраться в ситуации, тем отчетливей прихожу к выводу, что наука все больше и больше лишается реального смысла. Почитать работы наших ученых, так просто диву даешься, дуреешь от той туфты, что там написана. И защищаются же, и опусы выдают. А на самом деле все, что имеет настоящий, реальный смысл и серьезное направление, что на самом деле необходимо человечеству, все искусственно, но жестко запрещается, а направления закрываются. Взять те же пресловутые альтернативные источники энергии и механизмы, работающие на них. Это должно было серьезно разрабатываться лет тридцать, а то и больше назад, а сейчас уже реально работать и основательно войти в нашу жизнь и экономику. Но любые разработки этого направления объявляются бредом и немедленно пресекаются и изымаются. Тут даже намекать на теорию заговора не требуется: давно и всем понятно, что он есть и кому он выгоден. Как и то, насколько выгодно изничтожить в нашей стране науку как таковую. Возьми, например, тот факт, что из всех технических вузов в девяностые годы были удалены такие дисциплины, как логика и научный анализ. Зачем? А затем, что нас искусственно загоняют в те самые рамки бессмысленных исследований и разработок, которые устаревают еще на стадии моделирования. То есть выпускаются ученые, которые не владеют базовыми навыками того, как выстраивается научный поиск и разработки. Это все равно, что машина без ходовой части – мотор работает, а куда она заедет, ему пофиг: в любые дебри, ей же никто не управляет и не знает как. Базовым навыкам не учат и не прививают, не развивают мозг умением в первую очередь логически мыслить и анализировать. Я вот не поленился, сходил в

архив, в библиотеку, взял учебники по этим курсам и проштудировал. Так обалдел, чего нас лишили. Обалдел! Да-а, чего говорить! – он расстроено махнул рукой. – А всякие бредовые идеи и лжеученые, на которых строятся наши якобы базовые знания! А-а-а! – Снова махнул он от досады рукой. – Последнее время меня это просто задавило, мне порой кажется, что дышать трудно в этих ограниченных рамках. Я не хочу участвовать в процессе нивелирования нашей науки, в сведении ее до простого ремесла из серии «не высовывайтесь».

Они проговорили минут двадцать, и Григорий видел, что дед явно устал и как-то резко осунулся, но все выдвинутые аргументы внука выслушал внимательно и согласился по большей части с ними и под конец разговора спросил:

– Куда-то конкретно собрался или пока раздумываешь?

– Конкретно. Помнишь отцовского друга Дмитрия Балкина? Ну, дядь Митю, с которым мы перегонный аппарат соорудили?

– Помню, конечно, – подтвердил дед.

– Так вот, он на Камчатке монтирует экспериментальную установку получения отопления на базе использования гейзерного тепла. Уникальный проект, и все пока на начальном этапе, есть возможность многое придумать прямо на месте. Он когда в Москву на согласование прилетал, они с отцом у нас дома встречались, и дядя Митя меня активно уговаривал поехать работать с ним, сманивал вовсю. А неделю назад я дал согласие. Он меня уже и в штат научных сотрудников оформил.

– Да, я читал про этот эксперимент, – призадумавшись, вспомнил Петр Акимович. – Интересный проект. Ну что ж, – хлопнул он внука по коленке, – езжай, поучаствуй. Может, ты и прав и твой путь иной, может, и на самом деле тебе необходим такой опыт, как ты говоришь: прикладной. – И напутствовал последним словом: – Только науку не бросай. Изучай периодику, следи за новыми достижениями и открытиями, всегда держи руку на пульсе, выходи на форумы научные в Интернете, а по возможности и посещай лично. И не пасуй перед патентными бюро, а пробивай упорно свои изобретения. – И, поднявшись с дивана с помощью Григория, подхватившего его под руку, закончил наставления: – И защити-таки кандидатскую. Я ее прочитал, достойная работа. Защитись.

Григорий кивнул и спросил обеспокоенно, заметив, что дед как-то вдруг побелел, у него на лбу выступил пот, и вообще он выглядел сильно уставшим:

– Дед, ты в порядке? Ты что, себя плохо чувствуешь?

– Да нет, ничего, – бодрился Петр Акимович. – Просто устал от официальных мероприятий, и жара эта, – и еще более бодрым тоном предложил: – Ну, что, идем обедать и торжественно чествовать меня?

[Купить полную версию книги](#)